

САДОВОДЫ: Брошенные Миры.

Александра Ушакова

Александра Ушакова

САДОВОДЫ: Брошенные Миры.

«Автор»

2026

Ушакова А. А.

САДОВОДЫ: Брошенные Миры. / А. А. Ушакова — «Автор»,
2026

Они думали, что боги умерли. Они ошибались. Технологии, пережившие гибель цивилизации, стали магией. Люди, выжившие в руинах, научились слышать голос земли. Но в глубине планеты спал кто-то, кто помнил начало и конец. Он ждал. Он выбрал. И он разделил их на две судьбы: тех, кто защищает сад, и тех, кто хочет сжечь его дотла. Это история о войне, которую не называют войной. О любви, которая выживает там, где умирает всё. О выборе, от которого зависит не одна планета, а сама ткань реальности. И о древнем Уроборосе — змее, который, проглотив свой хвост, готов начать круг заново. Или разорвать его навсегда. Вас ждёт мир, где прошлое — не урок, а оружие. Где каждый шаг — риск, каждое слово — битва, а надежда — самое опасное, что можно принести с собой.

© Ушакова А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ: ЭХО МЕЛОВОГО ПЕРИОДА	5
ГЛАВА 1: РАССВЕТ, СОТКАННЫЙ ИЗ ЗОЛОТА И КРОВИ	10
ГЛАВА 2: НИТЬ ЖИЗНИ (ПРЕДЫСТОРИЯ)	13
ГЛАВА 3: ЛАБИРИНТ, ГДЕ МЕТАЛЛ СПИТ В ОБЪЯТИЯХ ЛИАН	16
ГЛАВА 4: ПРОБУЖДЕНИЕ ИЗ СНА ДЛИНОЙ В ТЫСЯЧУ ЛЕТ	19
ГЛАВА 5: КРОВАВЫЙ РАССВЕТ НАД СТОЯНКОЙ	25
ГЛАВА 6: ТИРАГА — ЧЁРНЫЕ БАШНИ И ЗОЛОТЫЕ КЛЕТКИ	27
ГЛАВА 7: СОЮЗ ИЗГНАННИКОВ, РОЖДЕННЫЙ В КРОВИ	30
ГЛАВА 8: СТЕПЬ, ГДЕ ВЕТЕР ГОВОРIT НА ЯЗЫКЕ КРОВИ	33
ГЛАВА 9: УЗЫ КРОВИ И СТАЛИ	36
ГЛАВА 10: ИСПЫТАНИЕ В СТЕПИ	39
ГЛАВА 11: ПЛЕТЕНИЕ ПАУТИНЫ (ЛИНИЯ ФИР)	42
ГЛАВА 12: ДОРОГА К ГОРАМ СПЯЩЕГО ГРОМА	44
ГЛАВА 13: У ПОДНОЖИЯ ПИРАМИДЫ	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

САДОВОДЫ: Брошенные Миры.

КНИГА ПЕРВАЯ: ЭХО МЕЛОВОГО ПЕРИОДА

«И сказал шаман: когда сойдутся солнце и луна в зените, откроется дверь, которую закрыли боги. И войдут в неё двое — камень и ветер, — и принесут миру либо рассвет, либо вечную ночь. Ибо в сердце горы спит тот, кто помнит начало и конец».
У.

ПРОЛОГ: ГЛАС БОГОВ

— из наскальных писем племени Рассветных.

Год 2178 от Великого Исхода. Предгорья Восточного хребта, земли племени Теней.

Гадр шёл по следу уже третий день.

Ему было семнадцать зим, но он был выше и шире любого взрослого воина в своем племени. Его тело, закаленное охотой на ящеров и схватками с соседними кланами, было покрыто ритуальными шрамами — каждый из них рассказывал историю победы или поражения, каждая линия на коже была картой его жизни. Но сегодня Гадр охотился не за зверем. Он охотился за тайной.

Всё началось с того, что старый шаман племени Теней умер, не успев передать своё знание наследнику. Он просто лёг спать и не проснулся — его лицо было спокойным, но на груди, там, где билось сердце, остался странный знак. Круг, внутри которого змея укусила свой хвост.

«Уроборос», — прошептал кто-то из старейшин, и это слово обожгло воздух, как искра.

Шамана похоронили по обычаю — сожгли на костре, развеяли пепел по ветру, чтобы дух мог найти путь к предкам. Но перед смертью он успел сказать только одно слово: «Восток». И показать рукой туда, где горы касались неба.

Гадр не был шаманом. Он не слышал голосов духов и не видел снов, как старый шаман. Но он был сыном вождя, и он знал, что такое власть. Он знал, что тот, кто владеет тайной, владеет племенем. И он хотел владеть всем.

Трещина в скале была почти незаметна — ее скрывали лианы толщиной в руку и мох, который рос здесь столетиями. Но Гадр заметил её. Заметил, потому что воздух вокруг неё дрожал, как над раскаленным камнем, и даже в полдень, когда солнце стояло в зените, из трещины тянуло холодом.

Он раздвинул лианы и увидел проход. Не пещеру, не естественную расщелину — ровный, геометрически правильный коридор, уходящий вглубь горы. Стены его были гладкими, как полированная кость, и от них исходил тусклый голубоватый свет — тот же самый, что горел в глазах старого шамана перед смертью.

Гадр шагнул внутрь.

Он шёл долго. Дольше, чем могла длиться любая пещера. Коридор уходил вниз, спиралью, и каждый поворот открывал ему новые чудеса: стены, которые меняли цвет в зависимости от того, смотрел он на них или нет; пол, который вибрировал под ногами, как сердцебиение огромного зверя; воздух, который пах озоном и чем-то сладким, похожим на перезрелые плоды.

И в самом конце, в огромной полости, которая была больше, чем любое жилище, которое он видел, он нашёл ЕГО.

Гадр не знал, как это назвать. Он никогда не видел ничего подобного. Это был алтарь — не из камня, не из дерева, а из того же гладкого, холодного материала, что и стены. На алтаре лежала плита, покрытая символами, которые светились тусклым голубым светом. Рядом с плитой стоял трон — высокий, массивный, с подлокотниками, которые заканчивались головами змей. И над всем этим, паря в воздухе, не касаясь ни пола, ни потолка, висел кристалл. Огромный, прозрачный, пульсирующий в такт с сердцем самого мира.

Гадр медленно приблизился. Его рука, твердая и уверенная, коснулась плиты — и в тот же миг символы на ней вспыхнули ярче.

Голос раздался не снаружи, а внутри. Прямо в его голове. Он был древним, холодным и лишенным эмоций — как сам камень, как сама вечность. Но в нём была сила, от которой у Гагра подкосились ноги.

«ОБНАРУЖЕН БИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПЕРАТОР. УРОВЕНЬ СОВМЕСТИМОСТИ: 4.7%. ПРОТОКОЛ ОЖИДАНИЯ АКТИВИРОВАН. ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ БАЗОВОГО ДОСТУПА. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ХРАНИТЕЛЬ».

Гадр не понял большинства слов. Он не знал, что такое «биологический оператор» и «протокол ожидания». Но он понял главное: голос назвал его ХРАНИТЕЛЕМ.

Он упал на колени перед кристаллом и засмеялся. Не истерично, не безумно — с той особенной уверенностью, которая приходит только к тем, кто внезапно осознаёт свою избранность. Кто понимает, что он — не просто человек. Что он — орудие воли богов.

«Я — Хранитель, — прошептал он, и в его голосе звучала такая сила, что стены дрогнули. — Я — голос богов. Я принесу им свет. Или тьму. Всё зависит от их веры».

Он поднялся и коснулся кристалла ладонью. Система, дремавшая тысячелетия, ожила окончательно. Перед его глазами развернулась карта — не на стене, не на полу, а прямо в воздухе, сотканная из голубого света. Тысячи огоньков, разбросанных по всей планете. Тысячи точек, каждая из которых была чем-то важным. Чем-то, что боги хотели сохранить. Или уничтожить.

Гадр протянул руку и коснулся одного из огоньков.

Он увидел горы. Увидел леса. Увидел людей, которые жили там, не зная о своей судьбе. И он увидел двух из них — близнецов, мальчика и девочку, которые еще не родились, но уже были отмечены знаком. Знаком того же круга, того же змея, кусающего свой хвост.

«Камень и ветер», — прошептал он, повторяя слова старого шамана, которые тот никогда не произносил вслух. — «Когда они придут, я буду ждать. Я буду тем, кто встретит их. Я буду тем, кто покажет им путь. Или закроет его навсегда».

Он опустил руку и засмеялся снова. Его смех эхом разнесся по пещере, отражаясь от стен, и этот звук был похож не на человеческий смех, а на крик хищной птицы, которая нашла свою добычу.

Система тем временем продолжала работать в фоновом режиме. Она сканировала, анализировала, классифицировала. Она искала того, кто мог бы стать её полным оператором — того, чей уровень совместимости был бы достаточно высок, чтобы полностью активировать все протоколы. Но пока она ждала, она дала Гагру достаточно власти, чтобы он стал её голосом.

Гадр не знал, что он — лишь временный хранитель. Что система использует его как проводник, как инструмент, как мост между миром людей и миром машин. Он думал, что боги выбрали его. Он думал, что он — их избранник. Он думал, что он — новый шаман, только сильнее, могущественнее, величественнее.

Он ошибался.

Через месяц после того, как Гадр нашел бункер, в его лагере появился первый посланник — воин из племени Рассветных, который пришел с предложением мира. Гадр принял его с улыбкой. Он был вежлив, гостеприимен, даже дружелюбен. Он слушал речи посланника о

единстве племён, о необходимости забыть старые распри и объединиться перед лицом новых угроз.

А когда посланник закончил, Гадр поднял руку. В его ладони загорелся голубой свет — тот самый, который он принёс из бункера. Свет, который был сильнее любого копья, любого топора, любого оружия, которое знали люди.

«Боги говорят, — сказал Гадр, и его голос звучал как гром. — Они говорят, что мир — это слабость. Что единство — это иллюзия. Что только сильный достоин жить. Только тот, кто готов сражаться, кто готов убивать, кто готов побеждать».

Он шагнул вперёд, и свет в его руке стал ярче.

«Ты пришёл с миром, — сказал он посланнику. — Но боги не хотят мира. Они хотят войны. Они хотят, чтобы мы очистили эту землю от слабых, от недостойных, от тех, кто не верит. Они выбрали меня, чтобы я стал их мечом. Их голосом. Их волей».

Свет ударил в грудь посланника, и тот упал замертво. Его тело ещё дымилось, когда Гадр шагнул через него к выходу из шатра.

«Племя Рассветных — слабое племя, — сказал он своим воинам. — Они верят в мир. Они верят в единство. Они верят, что боги добры. Но боги не добры. Боги справедливы. А справедливость — это когда сильный убивает слабого, чтобы стать сильнее».

Он поднял руку, и голубой свет озарил его лицо, делая его похожим не на человека, а на божество.

«Мы идём на север, — сказал он. — Там, в горах, живёт племя Рассветных. И там есть двое — камень и ветер. Они ещё не родились, но они уже отмечены. Отмечены тем же знаком, что и я. Они — мои враги. Мои братья. Моя судьба. Я должен встретить их. Я должен сломать их. Я должен показать им, что значит быть избранным».

Гадр не знал, что Уроборос — не бог. Что он — система, которая ждёт истинного оператора. Что Фир и Кхат — не просто близнецы, а ключ к тому, чтобы система заработала в полную силу. Что его «избранность» — лишь временная, лишь подготовительная, лишь часть более великого плана.

Но он знал одно: он нашёл свою цель. Он нашёл своё предназначение. Он нашёл себя.

И он был готов идти по пути, который проложили для него боги. Даже если эти боги были всего лишь машинами, ожидающими своего часа.

Бескрайние просторы зеленых далей озарил рассвет. Но это был не просто восход — это было рождение света из чрева ночи, длившееся вечность. Сначала горизонт, где небо смыкалось с землёй в изломанной линии гигантских папоротников и циклопических хвойных деревьев, окрасился в цвет старой бронзы — тягучий, густой, как патока, медленно разливающийся по самому краю мира. Затем этот цвет перешёл в расплавленную медь, и воздух, до этого тяжёлый и неподвижный, казалось, начал плавиться, наполняясь дрожанием миража над раскалённым камнем. И наконец, когда бронза и медь достигли своего пика, небо пронзили золотые стрелы — сотни, тысячи тонких лучей, которые пробili многослойный полог из гигантских вай, покрытых мельчайшими каплями росы. Каждая капля, поймав луч, вспыхивала так, будто в ней горел крошечный алмаз. Роса стекала по толстым прожилкам листьев, падала вниз на влажную, дышащую землю, и этот бесконечный, тихий перезвон капель создавал ту особую, первобытную музыку, которую слышали только те, кто умел слушать.

Два солнца поднимались над этим миром. Одно — знакомое, золотисто-жёлтое, дающее тепло и жизнь, то самое, вокруг которого когда-то вращалась колыбель человечества. Оно поднималось привычно, величественно, заливая всё вокруг ровным, спокойным светом. Другое — багровое, чужое, похожее на огромный, пульсирующий глаз, что висел ниже и правее, налитое кровью и светящееся зловещим, но уже ставшим родным за тысячи лет, прошедших с тех пор, как оно впервые появилось на горизонте. Его лучи, проходя сквозь плотную, насы-

ценную кислородом атмосферу, преломлялись в микроскопических кристаллах вулканической пыли, витающей в воздухе, окрашивая мир в причудливые, неестественные тона. Тени под этим вторым солнцем были длинными, косыми, они дрожали и пульсировали, словно сами были живыми существами, тянувшимися к свету. Переплетаясь, лучи двух светил создавали игру света и тени, от которой у непривычного человека закружилась бы голова: растения, никогда не видевшие тьмы, тянулись к небу в вечном танце фотосинтеза, их листья, огромные, мясистые, с толстой кутикулой, ловили каждый фотон, перерабатывая его в энергию с жадной, почти агрессивной эффективностью.

Воздух, густой и сладкий, словно нектар, застыл в неподвижности. Он был настолько насыщен ароматами гниющих и цветущих растений одновременно, что каждый вдох был подобен глотку древнего эликсира — он пьянил, наполнял лёгкие тяжестью миллиардов лет эволюции. Здесь, в этом воздухе, где концентрация кислорода была настолько высока, что земной человек задохнулся бы от избытка, чувствуя жжение в легких и головокружение, жили существа, чьи лёгкие помнили времена, когда атмосфера была иной, когда мир был моложе, а боги ещё не спустились с небес. Каждый вздох здесь был не просто физическим актом — это было причастие к древней, дикой магии планеты. Пахло прелой листвой, которая гнила столетиями, образуя плодороднейший слой почвы, пахло болотными испарениями, серой, исходящей от далеких гейзеров, пахло озоном от электрических разрядов, пронзающих небо во время гроз, и чем-то ещё — тонким, металлическим, неуловимым, что тянулось оттуда, где среди зарослей прятались Руины. Этот запах был запахом силы, знания и смерти, запахом того, что люди называли «кровью бога».

На поляне, окруженной циклопическими стволами гинкго и древовидных папоротников, возвышался шатер, сшитый из шкур мамонта. Эти шкуры, толщиной в палец, были грубыми на ощупь, но невероятно прочными; они хранили тепло и запахи племени — дым костра, в котором горели жирные корни и смолистые ветки, сушёные травы, развешанные для ритуалов и лечения, запах пота многих тел, спящих вповалку, и крови — той, что проливалась на охоте и той, что была частью жизни. Над шатром, на шесте из полированного дерева, покрытого искусной резьбой, развевался тотем — стилизованное изображение солнца, внутри которого пульсировал слабый голубой свет. Аборигены называли это «глазом бога». Для них это был не просто артефакт, а живое существо, дух, который охранял их сон, который видел за пределами видимого и который иногда шептал шаманам свои пророчества во время трансов. Они приносили ему дары — капли крови, кусочки жира, ароматный дым — и верили, что именно он удерживает нависшие над миром тени хаоса. Но любой, кто знал технологии Старого Мира, узнал бы в нём древний энергетический маяк, работающий на геотермальной энергии, — передатчик, который когда-то, ещё до Катаклизма, служил навигационным ориентиром для кораблей, бороздивших небо.

Солнце, наконец, прорвалось сквозь прореху в кровле, и золотой луч упал на лица спящих близнецов, выхватывая из полумрака их непохожие, но неразделимые черты. Этот луч был тёплым и живым; он коснулся высоких скул, тёмных ресниц, спутанных волос, и те, кто дремал в шатре, вздохнули во сне, чувствуя его тепло даже сквозь веки. Два других тела, взрослых воинов, лежали у входа, их груди мерно вздымались, а рядом с ними, прислонившись к шесту, сидел старый шаман — его голова была опущена, но он не спал, он ждал.

Фир проснулась первой. Она всегда просыпалась первой — за час до того, как ее разум начал регистрировать звуки мира, её тело уже жило в ритме планеты. Этот ритм был подобен глубокому, басовому пульсу, который шел из самого ядра земли, и она слышала его как музыку, как песню, которую мог разобрать только её генетический код, изменённый тысячами симбиоза с этим миром. Она лежала, не открывая глаз, и слушала. Сегодня этот ритм был иным. Он пульсировал быстрее, как сердце загнанной ласки, и в нём слышались новые, тревожные обертоны — далекий гул пробуждающихся машин, скрежет тектонических плит,

сдвигающихся под давлением древних механизмов, слабый, но настойчивый голос, шепчущий на языке, которого она не знала, но интуитивно понимала. Сегодня был день Парада. Сегодня им с Кхатом предстояло войти в Лабиринт Руин и прикоснуться к тайне, о которой сам вождь Схик говорил только шепотом, боясь, что камни услышат.

Она чувствовала это каждой клеткой своего тела — то, что учёные Старого Мира назвали бы «повышенной нейронной чувствительностью», а аборигены — «даром слышать голос земли». Её организм, мутировавший за тысячелетия жизни в мире, где технологии и природа слились в единое целое, улавливал малейшие изменения в энергетическом поле планеты. Она слышала, как глубоко под землёй, в руинах Старого Мира, пробуждаются древние механизмы; она ощущала, как по жилам планеты течёт ток, который её народ называл «кровью бога» — это было не метафорой, она действительно чувствовала его как горячий, пульсирующий поток, который проходил через её тело, заставляя кончики пальцев покалывать. Она знала, что сегодня всё изменится. Знала это с той уверенностью, с которой знала, что наступит рассвет.

Она повернула голову к брату. Кхат спал на спине, его огромное тело занимало половину шатра, его ноги, мускулистые и покрытые тёмными волосами, высывались из-под шкуры. Шрамы на его груди и плечах, оставленные когтями ящера-убийцы, казались в утреннем свете не увечьями, а знаками — письменами, которые сама жизнь начертала на его коже, рассказывая историю каждой схватки, каждой победы и каждой близкой смерти. Мышцы, бугрившиеся под смуглой, огрубевшей кожей, сейчас были расслаблены, но даже во сне Кхат походил на затаившегося хищника — его челюсть была плотно сжата, а кулаки слегка сжаты, готовые в любой момент разжаться и схватить копье или нож.

Они были двумя полюсами одного существа: она — звенящая струна, чувствующая ток мира, несущийся по невидимым жилам земли; он — несокрушимая скала, этот мир отражающая и сдерживающая. Без неё он был бы слеп, его сила была бы направлена наугад, он мог бы разбить свои кулаки о стены, не ведая, что за ними. Без него она была бы слаба, её чувствительность стала бы проклятием, которое разорвало бы её разум на части, захлестнул чужими голосами и энергиями. Вместе они были чем-то большим, чем просто два человека. Вместе они были надеждой своего племени, его мечом и его щитом, его глазами и его ушами.

ГЛАВА 1: РАССВЕТ, СОТКАННЫЙ ИЗ ЗОЛОТА И КРОВИ

Год 2197 .

Фир протянула руку и коснулась его лба. Её пальцы, тонкие, с длинными ногтями, слегка коснулись его кожи, и в этом прикосновении не было ничего, что мог бы заметить посторонний. Но Кхат, даже во сне, почувствовал это. В детстве этот жест был сигналом к пробуждению — она всегда будила его раньше других, чтобы они могли поиграть, пока взрослые ещё спят. Сейчас он стал чем-то большим — немой связью, которую Схик называл «нитью жизни». Она почувствовала, как её тепло, её жизненная энергия перетекает в него, а в ответ — его спокойствие, его непоколебимая уверенность, которая всегда её успокаивала. Это был не просто обмен теплом — это был обмен сущностями, обмен душами, который связывал близнецов с момента их рождения в один и тот же миг, когда две звезды упали с неба, и шаманы сказали, что это предзнаменование.

Кхат открыл глаза. Его веки дрогнули, и в его темных, как смоль, зрачках мгновенно вспыхнуло то же нетерпение, которое жгло её изнутри. Он был готов. Он всегда был готов. — Пора? — спросил он глухим голосом, который, казалось, исходил из самой глубины его могучей груди. Этот голос был низким, вибрирующим, как рык дальнего зверя, но в нём не было агрессии — только сосредоточенная, холодная решимость. — Пора, — кивнула Фир. Она говорила тихо, но её голос был чистым и ясным, как звон колокольчика. В нём слышалась та же решимость, что и у брата, но смягченная той особой, интуитивной мудростью, которая была её даром.

В её золотых глазах, которые племя называло «глазами, видящими за завесой», отразился утренний луч, и на мгновение стена шатра окрасилась в цвет расплавленного металла, а тени, падающие от костров, затанцевали в причудливом ритме. Эта способность — видеть энергетические потоки, невидимые обычным глазом, — делала её не просто шаманкой, а чем-то большим. Схик говорил, что такие, как она, рождаются раз в тысячу лет. Что она — мост между миром людей и миром богов. Что она — ключ. Но Фир не чувствовала себя ключом. Она чувствовала себя девочкой, которая боится, что не оправдает надежд. Она чувствовала тяжесть этого дара, которая ложилась на её плечи с каждым годом всё сильнее, и которая сегодня, в этот день, давила на неё с особой, почти невыносимой силой. Она боялась Лабиринта, боялась того, что они могут там найти, боялась того, что может случиться с племенем, если она ошибется. Но она не показывала этого страха никому, кроме брата, и то лишь в те краткие мгновения, когда их взгляды встречались, и «нить жизни» передавала её смятение ему, а его спокойствие — ей.

— Схик ждёт, — сказал Кхат, поднимаясь. Его тело двигалось с той особой грацией, которая приходит только к тем, кто с детства учился выживать в мире, где каждый шаг может стать последним. Он поднялся на ноги одним плавным, кошачьим движением, не задев ни одной вещи в шатре, не нарушив порядка вещей, разложенных вокруг него. Его мускулы напряглись и расслабились, прогоняя остатки сна, и он потянулся, разминая плечи, и услышал, как хрустнули позвонки. — Он сказал, что сегодняшний день изменит всё. — Он всегда так говорит, — улыбнулась Фир, хотя внутри у неё всё сжалось. Схик всегда говорил о великих переменах, но этот день был иным. Она чувствовала это. Сегодня её страх был не просто страхом — он был предчувствием. — Но сегодня... сегодня я чувствую, что он прав.

Она встала, откинув тяжёлую шкуру, которая служила ей одеялом. Её тело, стройное и гибкое, было покрыто татуировками — такими же, как у брата, но более тонкими, сложными, похожими на карту звёздного неба, которая казалась живой и пульсирующей в такт её дыханию. Эти татуировки были не просто украшением — они были оберегами, нанесенными шаманом

в день её посвящения, когда она спустилась в Пещеру Духов и провела там три дня без воды и еды. Каждый символ защищал её от злых духов, помогал ей управлять своей силой и служил напоминанием о её предназначении. Она накинула на плечи лёгкую накидку из шкуры молодого оленя, подпоясывалась кожаным ремнём с подвешенными к нему амулетами — зубами хищников, кусками обсидиана и странными, гладкими металлическими пластинами, которые она нашла в Руинах и которые, по её ощущениям, хранили в себе древнюю энергию.

Они вышли наружу, и мир обрушился на них всей своей первобытной мощью. Стоянка племени Рассветных располагалась на краю плато, откуда открывался вид на бескрайнее море папоротникового леса, простирающееся внизу, до самого горизонта. Это был не просто лес — это был океан зелени, где кроны гигантских деревьев, поднимающихся на сотни метров вверх, сплетались в сплошной полог, который едва пропускал свет. Сквозь этот полог пробивались лишь отдельные лучи, создавая внизу, в подлеске, таинственную игру света и тени, где обитали существа, которых никто из племени не мог назвать по имени. Внизу, в туманной дымке, которая окутывала лес каждое утро и рассеивалась только к полудню, бродили стада цератопсов — их гортанные крики, похожие на скрежет камней, которые перекачивает горная река, смешивались с пронзительными воплями птерозавров, круживших над болотами, высматривающих добычу или падаль. Воздух был наполнен запахами: прелой листвы, которая гнила тысячами лет, образуя торфяные залежи; гниющей древесины, которая пахла сладко и тошнотворно; болотных испарений, которые поднимались от топей, кишаших личинками и пиявками; и, далеко, едва уловимо, — запахом металла и озона, который тянулся оттуда, где среди зарослей прятались Руины. Этот запах был для Фир самым важным — он был запахом силы, который звал её, манил, обещал ответы на все вопросы, которые она не решалась задать вслух.

Руины. Это слово было проклятием и благословением для племени Рассветных. Это были остатки Старого Мира — мира, который существовал до Великой Тихой Смерти, до того, как боги покинули землю, до того, как люди забыли, что такое технологии, и начали называть их магией. В Руинах хранились знания, которые могли спасти племя. Или уничтожить его. Схик говорил, что знать слишком много — так же опасно, как знать слишком мало. Что некоторые тайны лучше оставить погребёнными. Но сегодня эти тайны должны были быть раскрыты. Сегодня Фир и Кхат должны были войти в сердце Лабиринта и прикоснуться к тому, что спало там тысячелетиями, ожидая своего часа.

У шатра их ждал Схик. Старику было сорок пять лет — возраст, равный для этого мира вечности выживания. Его лицо напоминало кору древнего дерева: изрезанное глубокими морщинами, которые были как карта его жизни, покрытое ритуальными шрамами, каждый из которых отмечал важное событие — победу на охоте, смерть друга, рождение наследника. Глаза его, темные и глубокие, смотрели на мир из-под нависших бровей, и в них светилась мудрость, которая была старше, чем его тело. Он опирался на копьё с наконечником из зуба спинозавра — оружие, которое он нёс ещё в те времена, когда у него хватало сил охотиться на этого ящера. Зуб, длинный и изогнутый, был покрыт тонкой резьбой — письменами, которые никто, кроме самого Схика, не мог прочитать. Теперь его сила была в другом: в знании, в памяти, в умении читать следы и знамения, которые оставляли боги и духи.

За его спиной стояли воины племени — Ати и Тхра, те, с кем Кхат охотился с детства, те, кто учил его метать копьё и читать следы, те, кто был его семьёй, пока он не стал достаточно взрослым, чтобы понять, что такое настоящая семья. Их лица были серьезны, но в глазах горел тот же огонь, что и в глазах близнецов. Они знали, что сегодняшний день может стать последним для них, и они были готовы к этому. Они держали свои копья наготове, их тела были покрыты боевой раскраской — полосами красной и черной глины, которые защищали их от злых духов и делали их невидимыми для врагов.

— Путь в Лабиринт откроется, когда солнце сойдется с луной в зените, — произнёс Схик, и его голос звучал как скрип древних камней, сдвигаемых временем. Он посмотрел на

Фир, потом на Кхата. В его взгляде было что-то, чего близнецы не видели прежде: не просто наставление или благословение, а прощание. Схик знал. Знал, что этот день изменит всё, и что он сам, возможно, не увидит заката. Он видел это в своих снах, которые были не просто снами, а видениями, посланными духами. Он видел кровь, льющуюся на камни Лабиринта, видел, как падают его воины, и видел, как близнецы идут по тропе, усеянной костями, но не сворачивают. — Вы принесете не артефакт, — продолжал он, и каждое слово падало в тишину, как камень в глубокий колодец. — Вы принесете будущее. Или смерть для него. Помните: иногда самое страшное чудовище не ревёт в джунглях, а молчит в тишине камней. И иногда самый страшный враг — не тот, кто с копьем, а тот, кто с улыбкой.

Он сделал шаг вперёд и коснулся их лбов по очереди — сначала Фир, потом Кхата. Его пальцы, узловатые и твёрдые, пахли дымом и сушёными грибами, которые он использовал в своих видениях. На его руках, на тыльной стороне ладоней, были нанесены те же руны, что и на тотеме, и когда он касался их лбов, Фир почувствовала, как её «дар» на мгновение вспыхнул, соединяясь с древней силой шамана. Она увидела на миг искры — красные, оранжевые, золотые, — которые кружились вокруг них, и услышала шепот тысяч голосов, которые говорили на языке, который она не понимала, но который чувствовала как нечто важное, судьбоносное.

— Идите, Дети Рассвета. И принесите нам рассвет.

Фир почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она хотела что-то сказать — спросить, возразить, попрощаться, — но слова застряли в горле. Вместо этого она просто кивнула, и они с братом, не оглядываясь, двинулись вниз по склону, в туман, где среди гигантских папоротников уже угадывались очертания Лабиринта. Склон был крутым, покрытым скользкой от росы травой и обломками камней, которые скатились с вершины плато за многие столетия. Кхат шёл первым, прокладывая путь, его ноги уверенно находили опору там, где Фир видела только опасность. Она шла за ним, её шаги были легче, осторожнее, и она чувствовала, как воздух становится всё влажнее, всё холоднее, по мере того как они спускались в туманную долину, где время, казалось, текло иначе. Где-то впереди, в глубине этого тумана, ждал Лабиринт — темный, молчаливый, полный тайн, которые могли убить или подарить бессмертие. И, несмотря на страх, который сжимал ее сердце, Фир чувствовала, что она на правильном пути. Что она идёт туда, куда должна идти. Что она — ключ. И она должна открыть дверь.

ГЛАВА 2: НИТЬ ЖИЗНИ (ПРЕДЫСТОРИЯ)

Когда близнецам было по семь зим, Схик впервые заметил, что Фир не такая, как все. Это случилось не в момент великого чуда, а в тишине обычного дня, когда мир, казалось, замер в изнуряющей жаре, а время текло медленно, как смола, стекавшая с коры древних сосен.

Это случилось во время засухи. Лето в тот год было злым — не просто жарким, а каким-то выжженным, безжалостным. Дожди, которые обычно наполняли русла рек и поили землю, не приходили уже три луны. Небо было чистым и бронзовым от пыли, поднятой ветрами, а солнце, два его безжалостных глаза, висело над миром, высасывая последнюю влагу из всего живого. Реки обмелели, превратившись в грязные, пересыхающие ручьи, в которых умирала рыба, и воздух был наполнен запахом гниющей тины и отчаяния. Племя голодало. Охота была плохой — звери уходили к далёким, ещё влажным лесам, а те, что оставались, были истощены и не давали много мяса. Дети плакали по ночам, и даже самые стойкие воины хмурились, глядя на небо, которое не приносило дождя.

Фир, игравшая с братом на берегу пересохшего ручья, вдруг замерла. Она уставилась на груду камней, которая преграждала путь воде, которая когда-то текла здесь. Это были не просто камни — это были валуны, огромные, покрытые мхом и лишайниками, которые, казалось, лежали здесь с начала времён. Кхат, всегда более практичный, уже хотел увести её, чтобы найти хоть какую-то тень, но она вырвалась из его рук и подошла к самому большому валуну, тому, который никто из воинов племени не мог сдвинуть.

Она приложила ладони к его шершавой поверхности и закрыла глаза. Её тело, маленькое и хрупкое, напряглось, и она застыла, как изваяние. Кхат хотел окликнуть её, но в этот момент к ним подошёл Схик, который проходил мимо, возвращаясь с неудачной охоты. Старый шаман остановился, увидев девочку, стоящую у валуна. Он почувствовал то же, что и она — странную вибрацию, которая исходила от камня. Для него это было просто ощущение, смутное и неясное. Для неё это был голос.

«Здесь вода, — сказала она тихо, не открывая глаз. — Она плачет. Она хочет выйти».

Её голос был странным, недетским — в нём слышалась та древняя, глубокая мудрость, которая не принадлежала семилетней девочке. Она говорила не о том, что видела, а о том, что чувствовала. Она слышала, как вода, запертая в недрах земли, бьётся о камни, как она ищет выход, как она стонет от тоски по свету. Это было не просто знание — это было сострадание к стихии, к чему-то, что другие считали просто мертвой материей.

Схик велел мужчинам копать. Воины смотрели на него с недоверием — они устали, они были голодны, они не верили, что под этим проклятым валуном есть что-то, кроме песка и глины. Но Схик был шаманом, его слово было законом. Они взяли лопаты из обожженной кости и заступы с наконечниками из обсидиана и начали рыть, проклиная жару и бесполезную работу. Они копали три часа, их спины болели, руки были стерты в кровь, но они копали, потому что Схик сказал копать. И когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в кровавые тона, их лопаты с глухим стуком ударили по чему-то твердому, что не было камнем. Они отбросили последний слой глины, и из-под земли забил ключ — холодный, чистый, сверкающий на солнце, как расплавленный хрусталь. Вода хлынула наружу, бурля и пенясь, и воины, пораженные этим чудом, пали на колени и закричали. Племя выжило.

С тех пор Схик взял Фир в обучение. Он учил её слушать не только воду, но и ветер, и землю, и деревья. Он говорил ей, что мир вокруг — это не мертвая материя, а огромное тело, по которому течёт кровь. И некоторые люди, очень редкие, могут слышать, как эта кровь пульсирует. Он называл это «даром слышать голос земли», но в его глазах, когда он смотрел на неё, светилась тревога. Он знал, что этот дар — не просто благословение, но и проклятие. Что он может сломать её, если она не научится с ним справляться.

— Ты — такая, — сказал он ей однажды, когда они сидели на вершине скалы и смотрели на закат. Два солнца опускались за горизонт, окрашивая небо в цвета старой бронзы и расплавленной меди, и ветер, тёплый и сухой, играл с её волосами. — Ты — ухо мира. Но помни: слышать — это не только дар, это и проклятие. Ты будешь чувствовать боль земли, как свою собственную. Ты будешь слышать крики там, где другие слышат тишину. Ты должна быть сильной, Фир. Сильнее, чем любой воин.

Он научил её медитировать, успокаивать свой разум, чтобы она могла отфильтровывать тысячи голосов, которые звучали в её голове. Он научил её использовать свой дар не только для того, чтобы слышать, но и чтобы видеть — видеть энергетические потоки, которые пронизывали мир, видеть ауру живых существ, видеть остаточные образы прошлого, которые застревали в стенах Руин. Она училась быстро, с жадностью, как будто она знала, что её время ограничено, что ей нужно успеть узнать как можно больше, прежде чем мир изменится.

Кхат, который всегда был рядом, слушал эти разговоры с нахмуренным лицом. Он не завидовал сестре — он боялся за неё. Он видел, как её глаза иногда становились бездонными, как она уходила в себя и не слышала его голоса, как она возвращалась оттуда с пустым, отсутствующим взглядом, и ему казалось, что она теряет себя в этом бесконечном шуме. И тогда он поклялся себе: он будет её щитом. Он будет тем, кто вытащит её обратно, если она уйдёт слишком далеко. Он будет её камнем, её опорой, её тихим убежищем в этом безумном мире, где она слышала то, что не должен слышать ни один человек.

Их связь была чем-то большим, чем просто любовь брата и сестры. Схик называл это «нитью жизни» — невидимой нитью, которая соединяет близнецов, рождённых в один миг. Когда Кхат падал и разбивал коленку, Фир чувствовала боль в своей ноге. Когда Фир плакала, Кхат ощущал горечь на языке, комок в горле, хотя он мог находиться на другом конце стойбища. Они чувствовали друг друга — их эмоции, их боль, их радость. Они были двумя половинами одного целого, и мир знал это. Даже звери в лесу не нападали на них, когда они были вместе, словно чувствовали, что они — одно целое, и что напасть на одного — значит напасть на обоих.

Когда близнецам исполнилось пятнадцать, они прошли обряд посвящения. Это был древний ритуал, который племя Рассветных проводило для каждого, кто достигал этого возраста, но для близнецов он был особенным. Схик готовил их к этому дню с тех пор, как заметил дар Фир. Он знал, что это будет не просто испытание силы или ловкости — это будет испытание их связи, их веры в друг друга и в себя.

Кхат должен был убить своего первого ящера-убийцу — молодого велоцираптора, который охотился на детей племени. Это был не просто зверь, а умный, хитрый хищник, который водил свои стаи по лесам и нападал на одиноких путников. Его когти были длиной с палец взрослого мужчины, а его пасть, полная острых, загнутых назад зубов, могла перекусить кость. Кхат выслеживал его три дня, идя по следам, которые тот оставлял в грязи. Он питался кореньями и ягодами, спал в дуплах деревьев, скрываясь от дождя, и на четвертый день настиг его у старого водопада. Схватка была жестокой и короткой. Кхат не использовал копье — он хотел доказать, что он сильнее зверя. Он схватил его за загривок, когда тот прыгнул, и вонзил свой костяной нож в его горло, чувствуя, как горячая, липкая кровь заливает его руку. Он принес шкуру и когти ящера к ногам Схика, и шаман объявил его воином.

Фир же спустилась в пещеру, где, по легендам, обитали духи предков. Это была не просто пещера — это был вход в Руины, в то самое место, которое племя считало священным и проклятым одновременно. Схик провёл её к узкому расселину в скале, откуда тянуло холодом и запахом озона, и велел ей войти. Она должна была провести там три дня без воды и еды, в полной темноте, слушая голоса, которые, как он предупреждал, могли быть как голосами духов, так и голосами ее собственного страха.

Она вошла. Сначала её окружала полная, абсолютная темнота, такая густая, что она чувствовала её кожей, как прикосновение бархата. Затем, когда её глаза привыкли, она увидела слабое, голубое свечение, которое исходило от стен. Это были не просто стены — это были древние панели, покрытые тонкими линиями, которые пульсировали в такт с её сердцем. Она понимала, что это не магия, не духи, а что-то другое, что-то, что её народ называл технологией Старого Мира, но для неё это было одно и то же — чудо, которое она не могла объяснить, но которое могла чувствовать.

Она сидела в этом голубом свечении, закрыв глаза, и слушала. Она слышала не только голоса духов — она слышала голоса машин. Она слышала гул, который шёл из-под земли, из глубины, из сердца самой планеты. Она увидела Руины не как развалины, а как спящий организм, как гигантское тело, по которому всё ещё течёт слабый, едва уловимый ток жизни. Она увидела машины, которые спали под землей, ожидая, когда их разбудят, когда придёт тот, кто сможет слышать их зов. И она поняла, что её дар — это не просто способность чувствовать. Это ключ. Ключ к тому, чтобы открыть то, что закрыли боги.

Когда она вышла на свет через три дня, её глаза изменились. Они стали золотыми — не желтыми, а именно золотыми, как расплавленный металл, как свет, который она видела в глубине пещеры. Схик, увидев это, упал на колени и заплакал. Он знал, что это значит. Она не просто выжила — она приняла дар. Она стала той, кто видит то, что скрыто. Она стала проводником между мирами.

Но никто не знал, что внутри пещеры Фир увидела нечто большее, чем просто духи или спящие машины. Она увидела нечто, что изменило её навсегда. Она увидела тени прошлого — образы людей, которые когда-то жили здесь, которые строили эти машины, которые думали, что могут контролировать природу. Она увидела их гордость, их падение, их отчаяние. И она увидела, как мир, который они знали, рухнул в огне и хаосе, и как из этого хаоса родился её мир. Она знала, что это видение было не просто предупреждением — это было напоминанием. Напоминанием о том, что сила, которую она несёт в себе, может как спасти, так и уничтожить. И она поклялась себе, что никогда не допустит того, что случилось тогда.

Эта клятва стала её «нитью жизни», такой же крепкой, как связь с братом. Она вела её через все испытания, через все сомнения, через все страхи. И сегодня, стоя на краю Лабиринта, она чувствовала эту клятву в каждом ударе своего сердца. Она была готова. Она должна была быть готова.

ГЛАВА 3: ЛАБИРИНТ, ГДЕ МЕТАЛЛ СПИТ В ОБЪЯТИЯХ ЛИАН

Лабиринт оказался не из камня. Кхат, ожидавший увидеть естественные пещеры или грубо сложенные стены, остановился на краю гигантской воронки, где земля провалилась вниз, обнажив структуры, которым не было места в его мире. Это был не провал, созданный временем или стихией — это был срез, будто гигантский нож отсек верхнюю часть мира, открыв то, что скрывалось под ним.

Металл, стекло и бетон — материалы, не имеющие названий в языке его племени, — выступали из земли, оплетенные лианами толщиной в тело человека. Эти лианы были не просто растениями — они были живыми свидетелями времени, их корни проникали в стены, разрывая их, но не разрушая полностью. Они обвивали колонны, которые когда-то держали небеса, и их листья, огромные и мясистые, светились в полумраке слабым, биолюминесцентным светом, создавая причудливую, фантастическую иллюзию подводного царства. Природа и технология сплелись здесь в странном, чудовищном танце, где невозможно было понять, где заканчивается одно и начинается другое. Стены, некогда гладкие и зеркальные, были покрыты мхом и плесенью, которые переливались всеми оттенками зелёного и синего, а на их поверхности, среди трещин, пробивались ростки молодых деревьев, тянувшихся к свету, который просачивался сквозь прорехи в потолке.

Фир опустила на корточки и провела пальцами по поверхности, покрытой мхом. Под мхом оказался гладкий, холодный материал, который, казалось, поглощал тепло её рук. Это было стекло, но не то, которое она знала — это было что-то более плотное, более древнее, почти живое. Она чувствовала его — не как камень или металл, а как что-то, что спало, но не было мёртвым. В его глубине, на самом дне, пульсировал слабый, едва уловимый свет — как отблеск далёкой звезды, запертой в ледяной тюрьме. Она слышала его шепот, тихий и настойчивый, который просачивался сквозь её пальцы и звучал в её голове на языке, который она не знала, но интуитивно понимала. Это было не слово, а ощущение: «Пришла... Наконец...»

— Это не просто камень, — сказала она, и её голос звучал глухо в тишине воронки. — Это... это как кожа. Мёртвая, но не до конца. Здесь что-то есть. Внизу.

Кхат подошёл к краю воронки и посмотрел вниз. Там, на глубине, где солнечный свет становился призрачным, а воздух наполнялся холодом и запахом металла, виднелись очертания каких-то конструкций. Они были правильными, геометрическими — прямые линии, идеальные углы, платформы, уходящие в темноту. И запах. Запах, который он почувствовал ещё наверху, здесь был сильнее: озон, металл и что-то ещё, напоминающее грозу, но застывшую, не живую. Это был запах силы, той самой, которую его народ называл «кровью бога», и он заставлял волосы на руках вставать дыбом.

— Туда, — сказал он, указывая на едва заметную тропу, уходящую вниз по осыпающемуся склону. Тропа была не естественной — она была вырублена в обломках бетона и металла, и на её поверхности, покрытой вековой пылью, виднелись следы тех, кто проходил здесь раньше. Следы были старыми, но они были — и это вселяло надежду и страх одновременно.

Они начали спуск. Каждый шаг требовал осторожности: земля под ногами была ненадежной, перемешанной с обломками непонятных материалов, которые хрустели и крошились под их весом. В одном месте Кхат наступил на что-то, что хрустнуло под его ногой с резким, пронзительным звуком, и он отскочил, ожидая ловушки. Но это был просто кусок стекла — огромный, толстый, когда-то бывший, возможно, частью окна или экрана. Время превратило его в хрупкую пленку, которая рассыпалась под натиском, обнажая под собой ржавый, изъ-

еденный временем металл. Фир, идя за ним, смотрела на эти обломки и видела в них не мусор, а кости — кости того мира, который погиб, но не был забыт. Она чувствовала, как каждый кусок металла, каждый осколок стекла хранит в себе память о прошлом, и эта память была тяжелой, как свинец.

Фир шла медленнее, её пальцы скользили по стенам, собирая информацию, которую не могли передать глаза. Она чувствовала вибрации — слабые, почти неразличимые, но для неё они были как голоса. Они исходили отовсюду: от стен, от пола, от воздуха. Голоса, которые говорили на языке, которого она не знала, но интуитивно понимала. Они были не просто шумом — они были историей, рассказанной на частоте, доступной только ей. Она слышала в них эхо шагов людей, которые когда-то ходили здесь, их голоса, смех, крики, и — тишину, которая наступила после.

— Здесь кто-то есть, — прошептала она. — Не человек. Но живой.

Кхат сжал копьё. Его мышцы напряглись, и он сделал шаг вперёд, заслоняя сестру собой. Его глаза, привыкшие к темноте лесов, сканировали пространство в поисках угрозы.

— Зверь? — спросил он, и его голос стал низким, как рык.

— Не знаю, — ответила Фир, и в её голосе слышалась странная, почти благоговейная уверенность. — Что-то другое. Оно... наблюдает за нами. Не из страха, из любопытства. Оно не знает, что мы такое.

Они спустились ещё глубже, туда, где стены стали ровными, покрытыми мозаикой из плитки, которую время покрыло слоем плесени и костей непонятных существ. Плитка была когда-то белой, а теперь она пожелтела и покрылась тонкой, как паутина, сетью трещин. Кости были нечеловеческими — слишком крупными, слишком странными по форме. Некоторые из них, покрытые зелёным налётом, казалось, росли прямо из стен, вплетаясь в структуру бетона, как корни деревьев. Это были останки тех, кто жил и работал здесь, до того, как мир рухнул. Их скелеты были перекручены, сломаны — они умерли не своей смертью, и их боль, даже через тысячелетия, всё ещё ощущалась в воздухе, как слабый, горький привкус.

— Схик рассказывал, — сказал Кхат, останавливаясь перед грудой костей, — что в Старом Мире жили существа, которые не были ни зверями, ни людьми. Они были сделаны из металла и камня, но двигались и говорили как живые. Их создали древние, чтобы служить им. А когда древние погибли, эти существа тоже умерли.

— Они не умерли, — сказала Фир, и в её голосе появилась странная уверенность. — Они уснули. Они ждут, когда их разбудят. Когда придёт тот, кто сможет их снова услышать.

Она пошла дальше, и Кхату ничего не оставалось, как следовать за ней. Воздух становился всё холоднее, темнее, плотнее. Пахло теперь не только озоном и ржавчиной, но и чем-то стерильным, как в пещере, где никогда не было жизни, где только камни и тишина. Фир дрожала, но не от холода. Её дар, всегда сдерживаемый, здесь начинал выходить из-под контроля. Она видела потоки энергии, которые струились по стенам, сходились в узлы у оснований колонн, уходили вглубь земли, туда, где тьма была плотнее, тяжелее, словно сама земля дышала и ждала. Её глаза горели золотым светом, и она шла, как во сне, как лунатик, ведомая голосом, который звучал только для неё.

— Остановись, — сказал Кхат, положив руку ей на плечо. Его ладонь была теплой и тяжелой, и она почувствовала через неё его тревогу, его страх за неё. — Ты бледнеешь. Твои глаза... они не видят меня.

— Не могу, — ответила она, и её голос звучал глухо, как из-под воды. — Оно зовет меня. Оно так долго ждало. Оно боится, что я уйду, что я не дойду. Оно хочет, чтобы я увидела.

Она пошла вперёд, и Кхат, чувствуя, как её тело напряжено до предела, шёл рядом, готовый в любой момент схватить её и унести, если она начнёт падать. Он видел, как её плечи напряжены, как её руки сжаты в кулаки, как её дыхание стало поверхностным и частым. Он

знал, что она на пределе, что её разум находится на грани, где реальность и видения сливаются в одно целое. И он знал, что если она уйдет слишком далеко, он может не успеть её вернуть.

И вдруг она остановилась. Её тело расслабилось, как будто она сбросила с себя тяжелый груз, и она сделала глубокий вдох, впервые за последние минуты.

— Здесь.

Перед ними была дверь. Не деревянная, не каменная, а гладкая, металлическая, без ручки. Она была вмонтирована в стену так плотно, что казалась её частью, как шрам на теле земли, затянувшийся, но не исчезнувший. На её поверхности, едва различимый под слоем пыли и времени, мерцал символ — стилизованное солнце, внутри которого пульсировала слабая голубая точка. Этот символ был точной копией того, что висел на тотеме их племени, и Фир, увидев его, почувствовала, как её сердце забилось быстрее. Это было не просто совпадение — это был знак. Знак того, что они на правильном пути.

— Что это? — Кхат тронул дверь кончиком копья. Металл издал глухой звук, похожий на удар по пустоте, и этот звук, низкий и протяжный, разнесся по коридору, как эхо далёкого грома. Дверь не поддавалась.

— Это... ключ, — сказала Фир. Она сама не понимала, откуда взялись эти слова. Они пришли изнутри, из того места, где её дар соприкасался с чем-то, что не было ни мыслью, ни чувством. Они были откровением, которое она не могла объяснить, но которое знала как истину. И, повинуясь инстинкту, который был старше её разума, она приложила ладонь к символу.

Вспышка. Золотистый свет брызнул из её пальцев, и на мгновение всё вокруг — стены, потолок, лица — окрасилось в цвет расплавленного золота. Дверь с глухим, протяжным вздохом отъехала в сторону, выпустив струю ледяного, мертвенного воздуха, который пахнул так, как пахнет могила. Этот воздух был стерильным, лишенным запахов жизни, и он заставил Фир вздрогнуть. Внутри была темнота, которую прорезали тусклые красные огоньки где-то в глубине. Фир подняла факел, и его свет, дрожащий и неверный, упал на лицо человека в прозрачном ящике.

ГЛАВА 4: ПРОБУЖДЕНИЕ ИЗ СНА ДЛИНОЙ В ТЫСЯЧУ ЛЕТ

Голд видел сны. Сны были странными: обрывки памяти, смешанные с фантазиями умирающего разума. Это были не просто сны — это была агония сознания, запертого в теле, которое не могло двигаться, не могло дышать, не могло даже моргнуть, но которое всё ещё жило, ожидая момента, когда его разбудят.

Ему снились звёздные корабли, разрезающие чёрную ткань космоса, их двигатели оставляли за собой светящиеся шлейфы, похожие на хвосты комет. Ему снились города, упирающиеся в облака, с башнями из стекла и стали, отражающими солнце, и парками, которые висели в воздухе, удерживаемые силовыми полями. Ему снилась тихая музыка, которая лилась из ниоткуда, обволакивая, успокаивая, создавая иллюзию покоя, который он потерял навсегда.

А потом была вспышка. Вспышка, что окрасила небо в ядовито-зелёный цвет, когда системы корабля закричали, а потом замолкли навсегда. Он помнил этот цвет — цвет смерти, цвет конца, цвет того мгновения, когда цивилизация, которая строилась тысячелетиями, рухнула за считанные секунды. Он помнил, как его тело, ещё живое, но уже обречённое, было погружено в холод, в темноту, в тишину. И он помнил, как его сознание, последнее, что осталось от него, погрузилось в сон, который должен был длиться вечность.

Потом была тишина. Тишина, пришедшая на смену гулу цивилизации, — такая полная, что он слышал, как бьётся его собственное сердце в криогенной капсуле. Или ему это только казалось? В этом сне, который был и явью, он не мог отличить реальность от иллюзии, своё тело от внешнего мира. Он был заперт в себе, и единственным звуком, который он слышал, был ритмичный, монотонный гул машин, поддерживающих его жизнь. Он не знал, сколько прошло времени. Это могла быть минута, год, тысячелетие. Время потеряло смысл, стало просто ещё одной иллюзией, которая не имела значения в этом застывшем, неподвижном существовании.

Он вспомнил последние минуты перед сном. Он был молодым инженером на «Ковчеге-7», одном из множества кораблей, которые должны были спасти человечество. Катаклизм — они не знали, что это было, — уничтожал планету, и они бежали, надеясь найти убежище, новый дом, новую надежду. Он помнил, как его руки, ещё тёплые, дрожали над панелью управления, когда он вводил последние команды, погружая себя и других в спасительный сон. Он помнил, как его коллеги, их лица были бледны и испуганы, прощались с ним, с миром, который они покидали, с надеждой, которая была последним, что у них осталось.

Но что-то пошло не так. Корабль был повреждён, экипаж погиб, и только резервные криокапсулы, рассчитанные на долгое хранение, сохранили несколько жизней. Его — одну из них. Он не знал, сколько их выжило, и не знал, выжил ли кто-то ещё. Он был один, запертый в этом металлическом коконе, плывущий в бесконечности, и время для него остановилось.

Его веки вздрогнули. Система жизнеобеспечения, питаемая геотермальным теплом, которое не иссякало тысячелетиями, выдала последний, отчаянный импульс. Капсула зашипела, откачивая криогенную жидкость, и стекло, закрывавшее его от мира, медленно поднялось. Сначала он увидел свет — яркий, резкий, болезненный, который резал глаза, привыкшие к темноте. Он зажмурился, пытаясь защититься от него, и почувствовал, как его тело, окоченевшее и чужое, начинает оттаивать. Кровь, холодная и густая, начала течь по венам, и каждая клетка его тела кричала от боли, от возвращения к жизни.

Он упал на колени, кашляя, задыхаясь. Его лёгкие, не работавшие так долго, что время перестало иметь значение, горели от непривычно насыщенного кислородом воздуха. Каждый вдох был как глоток огня, и он сжимал край капсулы, чувствуя холод металла под пальцами, и пытался сфокусировать взгляд. Его тело дрожало, мышцы были слабыми и непослушными,

и он чувствовал, как его желудок сжимается от тошноты, которую вызывала эта внезапная, невыносимая жизнь.

Перед ним стояли два силуэта. Сначала они были просто размытыми пятнами, дрожащими в его ещё не привыкшем к свету зрении. Но постепенно его глаза адаптировались, и он увидел их.

Один был гигантом — человек-гора, с плечами, которые могли выдержать вес быка, с руками, покрытыми шрамами, которые рассказывали истории битв с существами, не существовавшими в его мире. Он был одет в шкуры, грубые и пропахшие дымом, и на его груди висел амулет из зуба какого-то неведомого хищника. Его лицо было жёстким, с высокими скулами и глубоко посаженными тёмными глазами, которые смотрели на Голда с настороженностью и любопытством, которые он не мог понять.

Второй был стройным, почти невесомым — женщина с золотыми глазами, которые горели в темноте, как угли. Её лицо было красивым, но не той красотой, которую он знал, а другой, дикой, неукротимой, как сама природа. На её коже, смуглой и огрубевшей от солнца и ветра, были нанесены татуировки — сложные, изящные узоры, которые, казалось, двигались, когда она дышала. Её одежда была сшита из шкур, таких же грубых, как у гиганта, но на ней висели амулеты из металла и стекла, которые поблескивали в свете его капсулы.

Они смотрели на него с ужасом и благоговением. Они не знали, кто он, но чувствовали, что он — нечто большее, чем просто человек. Их кожа, смуглая и огрубевшая от солнца и ветра, была покрыта ритуальными шрамами, которые рассказывали истории их жизни. Их одежды были сшиты из шкур, пропитанных дымом и кровью, и их оружие — копья с каменными наконечниками, дубины, костяные ножи — было примитивным и смертоносным одновременно. Всё это было из мира, который он знал только по голографическим реконструкциям, по музейным экспонатам, которые считал вымершими миллионы лет назад.

— Кто... вы? — хрипло выдавил Голд. Его язык был архаичен — язык, на котором говорили за тысячу лет до Катаклизма, но корни слов, древние и устойчивые, ещё можно было понять. Он говорил медленно, с трудом подбирая слова, которые казались ему чужими и неправильными. Его горло болело, губы потрескались, и каждое слово давалось с трудом, как будто он учился говорить заново. — Я... человек. Кажется... последний.

— Мы — Дети Рассвета, — ответила женщина. Её голос, чистый и твердый, поразил его. В нём не было страха, только настороженность и — странно — какая-то странная, почти материнская забота. Она смотрела на него не как на врага или бога, а как на потерянного, запутавшегося ребёнка, который нуждается в помощи. — А ты кто? Дух руин? Ты пришёл из земли? Мы слышали голос, который звал нас. Это был ты?

— Я... — Голд попытался встать, но его ноги подкосились, и он снова упал на колени. Его тело сотрясала дрожь — следствие разморозки, когда кровь, слишком долго бывшая холодной, начинала снова течь по венам, причиняя боль, которая была острее, чем любая рана. — Я был в этом... в этом ящике. Я спал. Так долго... Я не знаю, сколько прошло времени. Я не знаю, что случилось с миром. С моим миром.

Он поднял голову и посмотрел на них. Они стояли, не приближаясь, и их глаза, темные и золотые, смотрели на него с тем же недоверием и ужасом, с каким он смотрел на них. Он знал теорию: криокапсулы, колонизация, возрождение человечества. Но теория и реальность были разными вещами. Реальность была здесь, перед ним, в виде двух дикарей с копьями, которые смотрели на него как на бога или демона. Он попытался вспомнить, что он знал о Земле до Катаклизма, но его память была пустой, как выжженная пустыня. Он помнил только своё имя, свою профессию и чувство ужаса, которое сопровождало его в последние мгновения перед сном.

Кхат и Фир переглянулись. Они чувствовали его растерянность, его страх, его беспомощность. Фир, сквозь свою связь с землёй, ощущала в нём слабый, едва уловимый отголосок той

же энергии, что пульсировала в Руинах. Он был частью Старого Мира, и его пробуждение было не случайностью. Он был послан.

— Ты не дух, — сказала Фир, и её голос стал мягче, почти ласковым. — Ты — человек. Как мы. Но ты пришёл из времени, которое мы не знаем. Ты — тот, кто спал, пока мир умирал и рождался заново.

— Что вы знаете о моем мире? — спросил Голд, и его голос дрожал. — Что случилось после Катаклизма? Выжил ли кто-то ещё? Есть ли города? Корабли? Люди, как я?

— Мы знаем только то, что нам рассказали духи, — ответила Фир, и её взгляд стал задумчивым. — Мы знаем, что Старый Мир погиб в огне. Что боги покинули землю. Что технологии, которые они нам оставили, стали магией, которую мы не понимаем. Мы знаем, что ты — часть этого. Что ты — ключ, который должен открыть дверь. Но мы не знаем, что за дверью. И мы не знаем, что будет, когда мы её откроем.

В этот момент мир снаружи вздрогнул. Гул, низкий и протяжный, пронзил тишину Лабиринта. Это был не рев зверя — это был звук рога. Боевого рога, сделанного из бивня мамонта, — звук, который Кхат знал с детства, но который сейчас, в этом месте, звучал как похоронный плач. Этот звук был сигналом тревоги, призывом к оружию, и он не сулил ничего хорошего.

И следом — крики. Знакомые крики их племени. Крики ужаса и боя. Они доносились с поверхности, с той стороны, откуда они пришли, и в них была такая боль, такое отчаяние, что у Фир перехватило дыхание.

— Племя! — Кхат развернулся, и его лицо, за мгновение до этого сосредоточенное и спокойное, исказилось яростью. — Напали!

Он бросился к выходу, как разъярённый трицератопс, сметающий всё на своём пути. Его тело, только что расслабленное, теперь было натянуто как тетива, и в его движениях была та особая, животная грация, которая приходит только к тем, кто сражается не за победу, а за выживание. Он не обернулся, не бросил взгляда на сестру, не сказал ни слова. Он просто исчез в темноте коридора, и его шаги, тяжёлые и быстрые, затихли вдали.

Фир, подхватив Голда, который едва держался на ногах, последовала за ним. Она чувствовала, как его тело дрожит, как он пытается идти, но его мышцы еще не слушаются. Она поддерживала его, чувствуя, как его рука, холодная и слабая, сжимает её плечо, и как он пытается дышать, но его легкие, привыкшие к стерильному воздуху капсулы, не принимают этот густой, насыщенный кислородом воздух.

Они бежали через коридоры Лабиринта, и свет факела, который Фир держала в руке, отбрасывал дрожащие тени на стены, покрытые древними символами и изображениями. Они слышали звуки битвы — крики, лязг оружия, рёв ящеров, которые, как они знали, были боевыми животными врагов. Они чувствовали запах крови, который доносился с поверхности, и этот запах был густым и сладким, как мёд, и в нём слышалась смерть.

Голд, спотыкаясь, бежал за ней, и его разум, привыкший к тишине и покою, был переполнен образами, звуками, запахами, которые он не мог обработать. Он видел, как мир, который он знал, рассыпается на части, как реальность, которую он считал единственной, превращается в иллюзию. И он чувствовал, как его тело, слабое и чужое, отказывается слушаться, как его легкие горят, как его сердце бьётся в груди, как дикий зверь, рвущийся на свободу.

Они вырвались на поверхность в тот момент, когда солнечный свет, золотистый и ослепительный, ударил им в глаза. И они увидели ад.

Палаточный лагерь племени Рассветных был разрушен. Шатры горели, их шкуры, пропитанные дымом и жиром, пылали ярким, оранжевым пламенем, которое поднималось к небу, смешиваясь с черным, едким дымом. Люди бегали, кричали, падали, и на них нападали незнакомые воины, чьи тела были раскрашены синей глиной, изображавшей молнии и зубы.

Шестеро воинов племени Рассветных, включая Ати и Тхру, уже лежали мертвыми. Их тела были изрублены, раздавлены, растерзаны. Кровь, яркая и густая, смешивалась с грязью

и листьями папоротников, образуя темные, вязкие лужи, которые впитывались в землю, как жертвенные дары. Ати лежал с расколотым черепом, его глаза были открыты, и в них застыло выражение удивления. Тхра был пронзен копьем, и его тело, изломанное и неестественно вывернутое, лежало у костра, который догорал, отбрасывая последние багровые отблески на его лицо.

Против них была целая орда. Два десятка рослых воинов, чьи тела были раскрашены синей глиной, восседали на прирученных утконосых ящерах. Зауролофы, огромные, неуклюжие на вид, но быстрые в атаке, били копытами, ломая кости, и их хвосты, как дубины, сметали всё на своём пути. Они были огромными, покрытыми костяными пластинами, и их глаза горели яростью, которая была не животной, а человеческой — это была ярость тех, кто пришел убивать.

А впереди, на кархародонтозавре — ящере, чья пасть могла проглотить человека целиком, — восседал Гадр.

Зверь был огромен, даже для своего вида. Его тело, покрытое чешуёй, которая переливалась всеми оттенками серого и зелёного, было мощным и мускулистым. Его морду покрывала маска из чеканного металла, с прорезями для глаз и ноздрей, из которых вырывался пар. На спине, в седле, укрепленном между спинными пластинами, сидел Гадр. Он был молод — лет двадцать, не больше, — но в его позе читалась власть, привыкшая к повиновению. Его тело было стройным и гибким, покрытым такими же синими узорами, как и у его воинов, и он не носил доспехов, только лёгкую кожаную тунуку и штаны. Но его глаза, холодные и оценивающие, были страшнее любого оружия. В них была та особая, хищная жестокость, которая возникает только у тех, кто привык убивать не по необходимости, а по желанию.

Гадр был из племени Теней — тех, кто поклонялся не солнцу, а тому, что скрывалось в глубине Руин. Они не боялись технологий, они хотели их использовать. Они не искали гармонии с природой, они хотели подчинить её. И Гадр был их вождем — самым молодым и самым безжалостным за всю историю. Он не просто хотел власти — он хотел знания, той самой «крови бога», которая текла в жилах Фир. Он видел в ней не человека, а инструмент, ключ, который он должен был захватить, чтобы открыть двери, которые боги закрыли.

— Пророческие близнецы, — голос Гадра был низким, мелодичным, словно шипение змеи, обвивающей жертву. Он спрыгнул с ящера, и его движения были плавными, грациозными, как у кошки. — Какая честь. А это что? — его взгляд упал на Голда, и в нём вспыхнул интерес, животный, голодный. — Призрак сияющей эпохи? Живой? Как интересно. Ты, должно быть, тот самый ключ, который я искал. Ты откроешь мне двери, которые никто не мог открыть.

Кхат, пробившись сквозь строй врагов, встал между Гадром и своей сестрой. Его тело было покрыто кровью — своей и чужой, — и его глаза горели той самой яростью, которую Гадр так ценил и так боялся.

— Уходи! — проревел Кхат, и его голос был подобен грому, от которого задрожали листья на деревьях. — Это моя земля. Это моя семья. Ты не пройдёшь.

Он поднял копье, и его тень, огромная и угрожающая, легла на землю перед кархародонтозавром. Ящер, почувствовав вызов, зарычал, и его рык был подобен грому, от которого задрожали листья на деревьях. Он пригнул голову, готовясь к атаке, но Гадр, усмехнувшись, положил руку на его шею, успокаивая.

— О, герой, — усмехнулся Гадр, и в его усмешке было что-то от хищника, играющего с добычей. — Я ценю храбрость. Особенно ту, что обречена. Такая храбрость делает историю... запоминающейся. Ты умрёшь, но твоя смерть будет красивой. Я расскажу о ней своим детям, когда буду править этим миром.

— Ты не будешь править этим миром, — ответил Кхат, и в его голосе была та же холодная, стальная уверенность, которая была у него всегда. — Ты умрёшь сегодня, Гадр. Твоя кровь будет питать землю, которую ты хотел поработить.

Он бросился вперёд, его копьё, заточенное и смертоносное, рассекало воздух. Но Гадр был быстрее. Он уклонился от удара, и его собственный клинок, длинный и изогнутый, как коготь ящера, описал дугу в воздухе, целясь в горло Кхата. Бой начался — яростный, жестокий, беспощадный.

Фир, видя, как её брат сражается с врагом, которого она не могла победить, чувствовала, как её сердце разрывается на части. Она хотела помочь ему, но она знала, что её сила не в бою. Её сила была в другом — в знании, в видении, в умении слышать то, что не слышат другие. И она знала, что сейчас, в этот момент, она должна использовать свой дар, чтобы спасти то, что ещё можно спасти.

Она закрыла глаза и сосредоточилась. Она слышала голос земли, который был слабее, чем раньше, но всё ещё звучал, как далёкий, умирающий крик. Она слышала голоса падающих воинов, их последние мысли, их молитвы. И она слышала голос Гадра — холодный, пустой, лишенный человечности. Она знала, что он ищет не просто власть, а ключ. Ключ к тому, что скрывалось в глубине Руин. Ключ, который был в ней.

Она открыла глаза и увидела Схика. Старый шаман, истекая кровью из раны в боку, поднялся во весь свой невеликий рост. Его лицо было белым, как береста, но в глазах горел огонь — огонь шамана, который видел больше, чем простой человек. В его руках дымилась связка трав, которые он собирал годами, готовясь к этому мгновению. Он знал, что этот день наступит, и он был готов. Он прокричал что-то на древнем языке, который понимали только духи, и швырнул дымящуюся связку под ноги кархародонтозавру. Трава, пропитанная соком ядовитых растений и порошком спящих грибов, взорвалась облаком едкого дыма. Зверь взревел, забился, взметнулся на дыбы, сбрасывая седоков. В хаосе мгновения Схик успел встретить взгляд Фир. Его глаза, мутные от старости, на миг стали ясными, как у юноши. И он кивнул. Один раз. Коротко. Живи. Помни. Не дай им забрать то, что мы хранили.

— Хватай девочку и призрака! Остальных — добить! — скомандовал Гадр, справляясь с ящером. Его голос был холодным и резким, как удар бича.

Кхат, видя, как к Фир скачут два всадника на зауролофах, с ревом бросился вперёд. Он сбил первого с ящера ударом плеча — хрустнули кости, человек упал, не успев вскрикнуть. Но второй накинул аркан на Фир. Веревка, сплетенная из сухожилий ящера, затянулась на её талии, и зауролоф, подчиняясь приказу всадника, рванул вперёд, волоча её по земле. Она вскрикнула, пытаясь ухватиться за камни, но её руки скользили, и она чувствовала, как её тело, слабое и незащищенное, бьётся о землю, оставляя на ней следы крови.

Голд, движимый инстинктом, который был сильнее разума, попытался схватить верёвку. Его пальцы, всё ещё онемевшие после разморозки, сомкнулись на скользкой поверхности, но его отшвырнуло ударом копья в плечо. Боль, острая и жгучая, пронзила тело, и он упал, теряя сознание. Его последним воспоминанием был крик Фир и хриплый, сломанный голос Кхата, который звал её имя.

— ГОЛД! — крикнула Фир, но её голос утонул в реве битвы.

Она увидела, как Кхат, пробивающийся к ней сквозь строй воинов, падает под ударом дубины. Его тело, такое сильное и могучее, согнулось, и он упал на колени, пытаясь подняться, но не в силах этого сделать. Увидела, как Схик, стоящий на коленях с пробитой грудью, всё ещё пытается что-то прошептать — заклинание, проклятие, молитву. Видела, как мать и отец, которых она узнала по одежде, лежат неподвижно у шатра, и их кровь течёт вниз по склону, смешиваясь с кровью их народа. Видела, как мир, который она знала, рушится, как её семья, её племя, её жизнь умирают на её глазах, и она ничего не может с этим сделать.

Гадр прыгнул с ящера и медленно пошёл к ней, отбросив шлем. Его лицо, беззащитное и прекрасное, было спокойно. Но в глазах горел голод. Не как у хищника к добыче. А как у ученого к редкому артефакту, как у коллекционера к единственному в своём роде экземпляру. Он протянул руку, касаясь её волос, цвета антрацита, блестящих на солнце, как вороново крыло.

— Тише, дикарка, — прошептал он, и его пальцы скользнули по её щеке, оставляя след — не боли, а унижения. — Твоя жизнь только начинается. Теперь ты часть великой истории. Моей истории.

Его люди скрутили её, заломив руки за спину, связал их веревкой, которая впилась в кожу. Кхат, оглушенный, в полубессознательном состоянии, поднял голову и увидел, как сестру увозят. Увидел, как Голда, истекающего кровью, волокут за ней. Увидел мертвые глаза родителей и Схика, смотрящие в небо, которое было таким же равнодушным, как и прежде. Он попытался встать, но ноги не слушались. Он попытался закричать, но в горле застрял ком. Остатки его племени, те, кто выжил, были уничтожены, разбежались, уведены в рабство. Континент, огромный и безжалостный, выл вокруг. В его груди, где раньше билось сердце брата-близнеца, теперь зияла пустота. Пустота, заполненная только одним чувством. Местью. И первым шагом к ней был этот беспомощный призрак из прошлого, которого ему нужно было спасти, чтобы найти путь к сестре. Он подполз к телу Голда, который был без сознания, и, собрав последние силы, перевернул его, проверяя, жив ли он. Его дыхание было слабым, но он дышал. Кхат поднял голову к небу, где два солнца, равнодушные и далёкие, смотрели на эту бойню, и поклялся. Поклялся, что вернет сестру. Поклялся, что отомстит. Поклялся, что этот день не будет забыт.

ГЛАВА 5: КРОВАВЫЙ РАССВЕТ НАД СТОЯНКОЙ

Битва на стоянке племени Рассветных длилась недолго. Она была жестокой, стремительной и беспощадной, как удар молнии, и когда она закончилась, на земле остались лежать тела тех, кто не успел убежать, не успел спрятаться, не успел даже понять, что смерть уже пришла за ними.

Кхат лежал среди обломков шатра, его тело было покрыто ранами, его дыхание было прерывистым и хриплым. Он чувствовал, как его кровь, тёплая и липкая, стекает по его рукам, как его мышцы, только что такие сильные и напряженные, становятся ватными и слабыми. Он попытался встать, но его ноги не слушались, и он упал на колени, глядя на то, что осталось от его мира.

Шатры горели. Их шкуры, пропитанные дымом и жиром, пылали ярким, оранжевым пламенем, которое поднималось к небу, смешиваясь с черным, едким дымом. В этом дыму, в этом огне, в этом хаосе он видел тела своих братьев, своих сестёр, своих друзей. Он видел Ати, чей череп был расколот ударом дубины, и его глаза, мёртвые и остекленевшие, смотрели в небо, как будто он искал там ответы на вопросы, которые не успел задать. Он видел Тхру, который лежал у догорающего костра, его тело было пронзено копьём, и его лицо было искажено гримасой ужаса и боли. Он видел мать и отца, лежащих у входа в шатёр, их руки были сцеплены, как будто они пытались защитить друг друга до последнего вдоха.

Он видел Схика. Старый шаман стоял на коленях в центре поляны, его грудь была пробита, и его глаза, мутные от старости, смотрели на мир с тем же спокойствием, с которым он смотрел на него всю жизнь. Он умирал, но в его глазах не было страха. Было только принятие. Принятие того, что его время пришло, что он сделал всё, что мог, и что теперь его дух, наконец, может отправиться в путешествие, которое он так долго откладывал.

И среди этого хаоса, среди этого дыма и огня, среди этих тел и этой крови, стоял Гадр. Он стоял, как хозяин, как победитель, как тот, кто пришёл, чтобы взять то, что считал своим. Его лицо было спокойным, почти мечтательным, и он смотрел на разрушение, которое он принёс, с удовлетворением, которое граничило с наслаждением. Он был молод, но в его глазах не было юности. Была только холодная, расчётливая жестокость, которая не знала границ.

— Увезите их, — сказал он, указывая на Фир и Голда. Его голос был низким, мелодичным, как шипение змеи, и в нём слышалась та же лёгкая, почти ласковая интонация, с которой он говорил о крови и смерти. — Девочку и призрака — в Тирагу. Остальных — добить. Я хочу, чтобы на этом месте не осталось ничего, что могло бы напомнить о том, что здесь когда-то была жизнь.

Его воины повиновались. Они подхватили Фир, которая была без сознания, и Голда, который был слишком слаб, чтобы сопротивляться, и потащили их к ждущим зауролофам. Кхат, видя это, попытался встать, но его ноги не слушались, и он упал, чувствуя, как его тело, израненное и измученное, отказывается подчиняться. Он попытался закричать, но в горле застрял ком, и он не мог произнести ни звука. Он только смотрел, как сестру увозят, как её тело, хрупкое и беззащитное, исчезает вдаль, среди дыма и огня.

И когда последние всадники Гадра скрылись за горизонтом, когда последний крик затих в лесу, наступила тишина. Тишина, которая была громче любого взрыва, тишина, которая давила на плечи, как тяжелый груз, тишина, в которой можно было услышать только стук собственного сердца и далекий, едва уловимый вой ветра, который, казалось, оплакивал всех, кто пал в этот день.

Кхат поднял голову. Он смотрел на небо, где два солнца, равнодушные и далёкие, продолжали свой путь, не обращая внимания на трагедию, которая разыгралась внизу. Он чувствовал, как его сердце, только что такое сильное и яростное, начинает затихать, как его мысли,

только что такие чёткие и ясные, начинают путаться. Он чувствовал, как тьма, мягкая и убаюкивающая, начинает окутывать его сознание, обещая покой и забвение.

Но он не сдался. Он не мог сдаться. У него была клятва. Клятва, которую он дал себе, когда увидел, как увозят его сестру. Клятва, которую он дал себе, когда увидел мертвые глаза Схика. Клятва, которую он дал себе, когда почувствовал, как последняя искра его племени гаснет в его груди.

Он не умрёт. Он выживет. Он найдёт способ. Он отомстит.

Собрав остатки своих сил, он пополз по земле, оставляя за собой кровавый след. Он полз мимо тел своих друзей, мимо обломков шатров, мимо всего, что когда-то было его домом. Он полз к телу Голда, которое лежало неподалёку, неподвижное и безжизненное. Он подполз к нему и перевернул его на спину. Голос был слабым, но он дышал. Он был жив.

Кхат посмотрел на него, на этого призрака из прошлого, на этого человека, который принадлежал к другому миру, к той самой эпохе, которую его народ называл «временем богов». Он не знал, зачем этот человек здесь, не знал, какую роль он сыграет в его судьбе. Но он знал одно: этот человек нужен ему. Нужен, чтобы найти сестру. Нужен, чтобы понять, что произошло. Нужен, чтобы отомстить.

Он наклонился к его лицу и прошептал, его голос был хриплым и сломанным, но в нём звучала та же негибкая воля, которая была у него всегда:

— Ты будешь жить, призрак. Ты будешь жить, чтобы помочь мне. Я не дам тебе умереть. Я не дам умереть никому из нас. Мы выживем. Мы найдем их. И мы отомстим.

Он поднял голову и посмотрел на горизонт, туда, где исчезли всадники Гафра. Там, вдали, за бескрайним морем папоротникового леса, ждала Тирага. Чёрные башни, возвышающиеся над миром, как зубы гигантского хищника. Золотые клетки, в которых его сестра будет жить, как пленница, как игрушка, как ключ. Он чувствовал это. Чувствовал каждой клеткой своего тела.

Он встал. Его тело дрожало, его раны кровоточили, но он стоял. Он стоял, как скала, как утёс, который выдерживает натиск волн. Он стоял, и в его глазах горел огонь. Огонь, который не мог погасить ни ветер, ни дождь, ни время. Огонь мести.

Он посмотрел на Голда, который начинал приходить в себя, его глаза открывались, и в них был тот же страх и растерянность, которые были у него в первый момент пробуждения. Кхат протянул ему руку, свою огромную, сильную руку, покрытую шрамами и кровью.

— Вставай, призрак, — сказал он, и его голос был твёрдым, как камень. — Нам нужно идти. Мы не можем оставаться здесь. Они вернутся. Или придут другие. Мы должны уйти. Мы должны найти союзников. Мы должны вернуть мою сестру.

Голд посмотрел на него. Он видел в его глазах ту же решимость, которая была у него в момент, когда он сражался с Гадром. Он чувствовал, что этот человек не сдастся. Что он будет бороться до конца, даже если это будет стоить ему жизни. И он, чувствуя, как его собственное тело начинает оживать, как его мысли, только что такие запутанные и темные, начинают проясняться, кивнул.

— Я с тобой, — сказал он, и его голос был слабым, но в нём слышалась та же решимость, что и в голосе Кхата. — Я не знаю, что мы найдём. Я не знаю, сможем ли мы вернуть её. Но я пойду с тобой. Потому что другого выбора нет.

Они поднялись. Два изгоя, два выживших, два человека, которые потеряли всё, но не потеряли надежду. Они стояли среди руин своего мира, и их глаза смотрели в будущее, которое было тёмным и неопределённым, но которое обещало одно: месть. И они двинулись в путь.

ГЛАВА 6: ТИРАГА — ЧЁРНЫЕ БАШНИ И ЗОЛОТЫЕ КЛЕТКИ

Дорога в Тирагу была долгой и мучительной. Фир, связанная и без сознания, лежала на спине зауролофа, и её тело, хрупкое и беззащитное, покачивалось в такт шагам ящера. Она не знала, сколько прошло времени — часы, дни, недели. Она только чувствовала, как её тело, израненное и уставшее, медленно заживает, как её сознание, сначала темное и пустое, начинает проясняться, как её «дар», её связь с землёй, медленно возвращается к ней, наполняя её ощущениями, звуками, образами.

Сначала она видела сны. Сны о доме, о племени, о брате. Сны о том, как они бегают по лесу, как смеются, как играют в охотников. Сны о Схике, который сидит у костра и рассказывает им сказки о богах и героях. Сны о мире, который был таким большим и прекрасным, таким живым и дышащим. А потом эти сны сменялись кошмарами. Кошмарами о дыме и огне, о криках и крови, о том, как её брат падает, сражённый ударом дубины, как её народ умирает на её глазах, как она ничего не может с этим сделать.

Когда она, наконец, открыла глаза, она увидела Тирагу.

Город был не просто городом. Это была крепость, выросшая из руин Старого Мира, как гриб из гниющего дерева. Черные башни, сложенные из обожженной глины и обломков древнего бетона, вздымались к небу, и на их вершинах горели костры, которые не гасли никогда. Они были похожи на огромные факелы, вонзённые в землю, и их свет, багровый и пульсирующий, освещал окрестности на много километров вокруг, создавая иллюзию вечного заката. Внизу, в тени этих башен, теснились хижины рабов и ремесленников, построенные из глины, дерева и костей животных, и их крыши, покрытые мхом и сушеной травой, казались серыми и безжизненными, как камни, на которых они стояли. А в центре, на возвышении, стоял дворец правителя — единственное здание, которое было украшено не только страхом, но и золотом. Его стены были покрыты резьбой, изображающей сцены битв и завоеваний, а на вершине его башен развевались знамёна с символом племени Теней — черным солнцем, которое, казалось, поглощало свет.

Когда Фир впервые увидела Тирагу, она подумала, что это гнездо гигантского хищника. Город был построен вокруг кратера потухшего вулкана, и его стены, казалось, росли из самой земли, как зубы из пасти. Внутри кипела жизнь: тысячи людей, ящеров, рабов, воинов, торговцев, жрецов. Воздух был тяжелым от запахов кожи, металла, пота, дыма и чего-то сладкого, что, как потом узнала Фир, было запахом крови, которой кормили боевых ящеров. Этот запах был густым и липким, он проникал в легкие, оседал на коже, и его нельзя было смыть ни водой, ни ветром. Он был частью этого места, его душой, его сущностью.

Гадр привёз её в триумфе. Он сидел на своём кархародонтозавре, его лицо было спокойным и надменным, а она шла рядом, привязанная веревкой к седлу, босиком по острой гальке, которая впивалась в её ноги, оставляя глубокие, кровоточащие раны. Люди выходили из домов, чтобы посмотреть на неё. Они стояли вдоль улиц, их лица были любопытными и жестокими, и они шёпотом обсуждали её, как диковинного зверя, как трофей, который привез их вождь. Кто-то бросал в неё камни, кто-то — цветы. Фир не поднимала головы. Она шла, глядя под ноги, и чувствовала, как грязь Тираги въедается в её кожу, как запах крови и дыма наполняет её лёгкие, как её «дар», её связь с землёй, начинает слабеть, заглушающая этим чуждым, враждебным местом.

Во дворец её отвели в комнату, которая была больше, чем весь шатёр её племени. Стены были обиты шёлком, пол устлан шкурами белых медведей, на столе стояли блюда с фруктами, которых она никогда не видела. Это была клетка. Золотая, красивая, но клетка. Служанка,

молодая женщина с глазами, которые давно перестали плакать, помогла ей помыться и переодеться. Она была тихой и услужливой, как тень, и её движения были механическими, как у куклы. Фир смотрела на неё, и в её глазах не было жизни. Была только пустота.

— Не смотри на него так, — прошептала служанка, когда Фир уставилась на дверь, за которой скрылся Гадр. Её голос был тихим и дрожащим, как у человека, который боится, что его услышат. — Он слышит всё. И он не прощает.

— Как тебя зовут? — спросила Фир.

— Элла, — ответила служанка, и её глаза, только что пустые, на мгновение вспыхнули искрой жизни.

— Элла, — повторила Фир, запоминая имя. — Ты тоже пленница?

Элла опустила глаза. — Все здесь пленники. Только некоторые носят цепи на шее, а другие — на душе. Я здесь уже три года. Меня привезли из племени, которое Гадр уничтожил. Мои родители погибли, брата забрали в рабство. Меня оставили здесь, чтобы я прислуживала знатым пленникам. Но я не знатная. Я просто... тень. Тень, которая помогает другим теням выжить.

Фир смотрела на неё, и в её сердце зажглась искра. Искра надежды, которая была такой слабой и хрупкой, но которая всё ещё горела. Она знала, что не одна. Что есть другие, такие же, как она, которые страдают, и которые хотят свободы. И она знала, что, возможно, они могут помочь друг другу.

Первая встреча с Гадром в его «лаборатории» произошла через три дня. Это было помещение, вырубленное в теле титанозавра, который служил передвижной крепостью. Гадр называл его «сокровищницей». Там хранились артефакты Старого Мира, которые его разведчики находили в руинах: роботы-дроиды с потухшими глазами, голографические карты, проецирующие исчезнувшие города, оружие с разряженными батареями, лежащее в пыли, как мёртвые змеи. Это была не просто коллекция — это была мавзолей. Мавзолей мира, который погиб, и который Гадр хотел воскресить, чтобы подчинить себе.

— Вот видишь, они знали силу, но боялись её, — говорил Гадр, показывая на ружье с солнечной батареей, которая едва тлела. — Они запирали её в коробки, ставили пароли, создавали протоколы. Я же хочу выпустить её на волю. Я хочу использовать её, чтобы создать мир, в котором не будет слабых, в котором не будет страха, в котором не будет боли. Мир, где только сильные правят, а слабые служат. Мир, где я — бог.

Он подходил к ней близко, и она чувствовала запах его кожи — запах металла и каких-то экзотических масел, которыми он натирал свои доспехи. Его глаза, холодные и голодные, смотрели на неё, как на предмет, как на инструмент, который нужно настроить и использовать.

— Твои золотые глаза... ты видишь ток жизни. А что, если ты сможешь не просто видеть, но и перенаправлять его? Оживлять мертвые машины? Заряжать оружие силой самой планеты? Ты не просто шаманка, Фир. Ты — ключ. Ключ к силе, которая может изменить мир. И я сделаю тебя сильной. Я сделаю тебя такой, какой ты должна была быть.

Он заставлял её «чувствовать» артефакты. Он приносил их в её комнату, раскладывал на столе и попросил ее прикоснуться к ним, описать их энергию, сказать, что она чувствует. И Фир, скрывая растущую мощь, притворялась, что у нее получается плохо. Она научилась контролировать свой дар — не подавлять его, но дозировать, выдавая ровно столько, сколько нужно, чтобы Гадр не заподозрил её в обмане. Она притворялась слабой, притворялась, что не понимает, что от неё хотят, притворялась, что её дар — это проклятие, а не благословение.

Но втайне она училась. Она почувствовала, как слабый ток из её рук мог заставить дрогнуть стрелку на каком-то приборе. Она начала понимать: её дар был связан не с биологией, а с самим полем планеты, искаженным Катаклизмом. Она была не просто мутантом, не просто эволюционным скачком. Она была ответом природы на вызов, брошенный технологией. И она могла использовать этот дар не только для того, чтобы чувствовать, но и для того, чтобы изме-

нять. Она могла перенаправлять потоки энергии, могла заряжать мёртвые машины, могла... убивать.

Она не знала, как это сделать, но она чувствовала, что это возможно. Что её дар — это не просто ключ, но и оружие. И она знала, что когда-нибудь она использует его, чтобы освободиться. Чтобы отомстить. Чтобы вернуться к брату.

Однажды, когда Гадра не было, к ней подошла старая служанка, которую звали Мала. Она была из народа Инков — горных строителей, хранителей древних тайн. Её лицо было изрезано морщинами, как карта давно исчезнувшей страны, но глаза смотрели ясно и остро. В них была та же искра жизни, которую Фир видела в глазах Эллы, но более глубокая, более мудрая, более древняя.

— Ты та, кто слышит землю, — сказала Мала, и это был не вопрос. Она говорила это с той же уверенностью, с которой говорит человек о том, что знает точно. — Я знала таких. В моём народе их называли «уака». Мосты между мирами. Они могли видеть то, что скрыто, могли слышать то, что молчит, могли чувствовать то, что не имеет формы. Они были священными и проклятыми одновременно.

— Я не знаю, что это значит, — ответила Фир.

— Это значит, что ты опасна. Для них. — Мала кивнула в сторону, где за стенами дворца кипела жизнь Тираги. — И поэтому они держат тебя в золоте, а не в цепях. Но цепи есть, девочка. Просто они невидимы. Они сделаны из страха, из одиночества, из надежды, которая умирает каждый день. Ты должна разорвать их. Ты должна найти свой путь.

Мала рассказала Фир о «Сердце Горы» — месте, которое её народ считал священным. Там, в недрах горы Спящего Грома, спали железные птицы и жил дух, поющий тишиной. Гадра искал это место. Он хотел заставить дух петь для него. И песня эта, по словам Малы, могла убить мир. Или изменить его навсегда. Она могла пробудить древние машины, которые спали в недрах земли, и выпустить их на свободу. И тогда ничто не сможет остановить Гадра.

— Ты должна остановить его, — сказала Мала, сжимая руку Фир. Её пальцы, узловатые и тёплые, сжимали её запястье с такой силой, что Фир почувствовала, как её кровь застывает. — Ты — ключ. Но ключ может не только открывать, но и запираť. Навсегда. Ты должна найти способ. Ты должна найти своего брата. Он жив. Я чувствую это. Он идёт за тобой. Он не оставит тебя. И когда он придёт, вы должны быть готовы. Вы должны быть сильнее, чем они.

Фир смотрела на старую женщину, и в её сердце зажглась новая искра. Искра надежды, которая была сильнее страха, сильнее боли, сильнее всего, что она чувствовала. Она знала, что Кхат жив. Она чувствовала это сквозь «нить жизни», которая связывала их. Она чувствовала, что он идёт за ней, что он не сдался, что он будет бороться до конца. И она знала, что должна быть готова. Должна быть сильной. Должна выжить. Ради него. Ради их народа. Ради мира, который они потеряли, но который можно вернуть.

Она посмотрела на свои руки. На них всё ещё были видны следы веревок, которые впились в её кожу. Но под ними, глубоко внутри, пульсировала сила. Сила, которую она только начинала понимать. Сила, которая была её даром и её проклятием. И она знала, что однажды она использует эту силу, чтобы освободиться. Чтобы отомстить. Чтобы вернуться домой.

ГЛАВА 7: СОЮЗ ИЗГНАННИКОВ, РОЖДЕННЫЙ В КРОВИ

Они шли три дня. Три дня Кхат, раненый, но не сломленный, вел Голда, который едва держался на ногах. Три дня они пробирались сквозь чашу папоротникового леса, где каждый шаг мог стать последним, где тени скрывали хищников, а воздух был наполнен запахом смерти и гниения.

Кхат двигался с той особенной, звериной грацией, которая была у него с детства. Его тело, покрытое шрамами и ранами, не обращало внимания на боль, его мышцы, натренированные годами охоты, не знали усталости. Он шел, как призрак, бесшумно и быстро, и его глаза, темные и глубокие, сканировали пространство в поисках угрозы. Он слышал каждый шорох, каждый треск, каждый вздох леса, и он знал, что этот лес не прощает ошибок. Он был не просто местом, где обитали звери и птицы. Он был живым существом, дышащим, чувствующим, помнящим. И он помнил кровь, которая пролилась на его землю.

Голд шел за ним, спотыкаясь и задыхаясь. Его тело, привыкшее к стерильному воздуху криокамеры, не могло адаптироваться к этому густому, влажному, насыщенному кислородом воздуху. Его лёгкие горели, его мышцы дрожали, его разум, еще не оправившийся от шока пробуждения, был переполнен образами, звуками, запахами, которые он не мог обработать. Он чувствовал, как его сознание, только что такое ясное и четкое, начинает путаться, как его мысли, только что такие логичные и связные, начинают распадаться на обрывки.

Но он не сдавался. Он знал, что если он остановится, если он упадет, то не встанет. Он знал, что этот человек, этот дикарь с глазами, горящими яростью, не оставит его. Он знал, что его единственный шанс на выживание — идти вперед, даже если его ноги отказываются слушаться, даже если его сердце готово выпрыгнуть из груди.

Они двигались на северо-восток, в сторону гор, которые на горизонте казались синими зубами, вздувшимися в небо. Кхат знал эти земли — когда-то он охотился здесь с отцом, и память, звериная и надежная, вела его по тропам, которые не видели людей много лет. Это были тропы, которые знали только звери и охотники, тропы, которые вели через болота, где вода была черной и вязкой, и где жили существа, которых никто не мог назвать по имени. Он шел по ним, как по карте, выгравированной в его сознании, и его ноги, привыкшие к этой земле, находили опору там, где Голд видел только опасность.

Мир вокруг был враждебен и прекрасен. Гигантские стрекозы с размахом крыльев в три метра кружили над болотами, охотясь на мелких ящериц, их крылья, переливающиеся всеми цветами радуги, создавали причудливую игру света и тени. Стая пернатых велоцирапторов, привлеченных запахом крови, выслеживала их два дня, и только ночной переход через горную реку спас их от гибели. Эти звери были умными и жестокими, их тела были покрыты перьями, которые переливались на солнце, как металл, и их глаза, желтые и холодные, смотрели на них с голодом, который не знал границ. Кхат слышал их крики, резкие и пронзительные, и знал, что они идут за ними, что они ждут момента, когда он ошибется, когда он упадет.

Пурпурные закаты, длившиеся часами, окрашивали небо в цвета старой раны, а потом наступала ночь, черная и плотная, как деготь, полная шорохов и криков, которые заставляли волосы вставать дыбом. В этой ночи, в этой темноте, Кхат чувствовал себя как дома. Он вырос в этой темноте, он знал ее язык, ее голоса, ее тайны. Он знал, что ночь — это время охотников, и он был охотником. Он был тем, кто идет за добычей, а не тем, кто ждет, когда его найдут.

На третью ночь они остановились в пещере, вход в которую был скрыт водопадом. Вода, холодная и прозрачная, падала с высоты двадцати метров, создавая завесу, которая скрывала их от внешнего мира. Кхат добыл огонь трением — для Голда это было чудом, сравнимым с

ядерным синтезом. Он смотрел, как этот дикарь, этот человек, который жил в мире, где не было технологий, создает огонь из ничего, из двух кусков дерева и сухой травы, и его разум, привыкший к сложным механизмам и алгоритмам, отказывался верить в то, что он видел. Пламя, маленькое и дрожащее, осветило стены пещеры, покрытые древними рисунками — мамонты, саблезубые тигры, люди с копьями. Время стерло краски, но не стерло память. Эти рисунки были старше, чем любая цивилизация, которую знал Голд, и они рассказывали истории, которые не были записаны ни в одной книге.

Голд сидел у огня, сжимая раненое плечо. Рана, обработанная травами, которые Кхат собрал на берегу, начинала затягиваться, но боль все еще была острой. Он смотрел на своего спасителя — огромного, молчаливого человека, который точил обломок своего копья о камень, и пытался осмыслить то, что с ним произошло. Этот мир был не просто чужим. Он был невозможным. Он был тем, что его наука, его знания, его технология считали вымершим миллионы лет назад. И все же он был здесь, перед ним, реальный и живой, и он дышал, и он чувствовал, и он боялся.

— Расскажи мне о своем мире, — сказал Кхат, не поднимая глаз. Его голос был низким и ровным, как гул земли, и в нем не было любопытства. Была необходимость. Необходимость понять, кто этот человек, зачем он здесь, и как он может помочь ему вернуть сестру. — О том, что было до... до всего.

Голд помолчал. Ему было трудно говорить — не только из-за боли, но и потому, что эти воспоминания были слишком далекими, слишком чужими. Они принадлежали другому человеку, другому времени, другому миру. Миру, который он потерял и который, возможно, никогда не вернуть.

— Мы думали, что мы боги, — сказал он наконец, и его голос был тихим, как шепот. — Мы летали между звездами, мы перекраивали материю, мы создавали жизнь. Мы думали, что мы победили саму смерть. Но мы проиграли. Мы проиграли, потому что забыли, что мы всего лишь люди. Мы забыли, что сила, которую мы создали, может уничтожить нас. Мы забыли, что за каждым нашим шагом стоит чья-то жизнь, и что мы не имеем права играть с ней.

— Как вы проиграли? — спросил Кхат, и его голос был жестким, как сталь. Он не понимал этого мира, но он чувствовал, что его история важна. Что она может объяснить то, что происходит сейчас. Что она может дать ему ответы, которые он ищет.

— Мы построили «Пульсар», — сказал Голд, и его голос стал тише, как будто он боялся, что его услышат. — Устройство, которое должно было управлять энергией планеты. Мы думали, что сможем контролировать природу, сделать ее безопасной, предсказуемой. Мы думали, что мы сможем спасти мир, который сами же и разрушили. Но природа... она не терпит контроля. Что-то пошло не так. Вспышка. И мир, который мы знали, исчез. А мы, те, кто выжил, превратились в... — он посмотрел на свои руки, все еще бледные, но уже не такие чужие, — в призраков. В тени того, кем мы были. В напоминание о том, что гордыня — это не сила, а слабость.

Кхат поднял голову. В его глазах, темных и глубоких, отражался огонь. Он не понимал всех этих слов — «Пульсар», «энергия», «контроль». Но он понимал суть. Он понимал, что этот человек, этот призрак из прошлого, несет в себе знание, которое может быть опасным. Которое может убить. Или спасти.

— Моя сестра... — сказал он, и его голос дрогнул. — Она как этот ваш «Пульсар»? Она тоже может... контролировать? Она тоже может... уничтожить?

Голд посмотрел на него. Он видел страх в его глазах, страх за сестру, страх за мир, который он знал. И он знал, что должен сказать правду, какой бы горькой она ни была.

— Она — ключ к нему, — сказал он, и его голос был твердым, но мягким. — Ее ДНК... она эволюционировала, чтобы гармонизировать с новым энергетическим полем планеты. Если Гадр научится использовать ее, он сможет активировать «Пульсар» как оружие. И тогда... тогда

он сможет уничтожать города. Горы. Целые регионы. Он сможет переписать реальность по своему желанию. Он сможет стать богом, которого этот мир не заслуживает.

Кхат сжал обломок копья так, что костяшка побелела. Его лицо, только что такое спокойное, исказилось яростью, и в его глазах зажглось пламя, которое не мог погасить ни один ветер. Он чувствовал, как его тело, только что такое уставшее, наполняется новой силой. Силой гнева. Силой мести. Силой любви к сестре, которую он должен спасти.

— Мы не допустим этого, — сказал он, и его голос был твердым, как камень. — Мы найдем ее. Мы остановим его. Мы сделаем все, что нужно.

— Мы не сможем остановить его в одиночку, — сказал Голд, и его голос был спокойным, но в нем слышалась та же решимость, что и у Кхата. — Нам нужны союзники. Люди, которые знают эти земли, которые могут сражаться. Ты говорил о степняках...

— Дети Ветра, — кивнул Кхат, и в его голосе появилась новая нотка. — Они никому не подчиняются. Они живут по своим законам, они поклоняются своим богам, они не признают власти Гадра. Но они не любят чужаков. Они убьют нас, если мы подойдем слишком близко. Они не верят в слова — они верят в силу. Они верят в кровь и огонь. И если мы хотим, чтобы они нас услышали, мы должны доказать, что мы достойны их внимания.

— Тогда нам нужно предложить им то, что они не смогут отвергнуть, — сказал Голд, и в его глазах зажглась искра. Искра надежды. Искра плана. — Нам нужно предложить им знание. Знание, которое может сделать их сильнее. Знание, которое может помочь им выжить в этом мире. Знание, которое я могу им дать.

Кхат посмотрел на него, и в его глазах, темных и глубоких, зажглось что-то новое. Не недоверие, не страх, а... надежда. Надежда, которая была такой слабой и хрупкой, но которая все еще горела. Он знал, что этот человек, этот призрак из прошлого, может быть их спасением. Может быть тем, кто приведет их к победе. Может быть тем, кто поможет ему вернуть сестру.

— Тогда мы идем в степь, — сказал он, и его голос был твердым, как сталь. — Мы найдем Детей Ветра. И мы предложим им наш союз.

ГЛАВА 8: СТЕПЬ, ГДЕ ВЕТЕР ГОВОРIT НА ЯЗЫКЕ КРОВИ

Кхат и Голд пересекли предгорья и вышли в бескрайнюю степь. Это был мир, который невозможно было описать словами, мир, который был старше, чем любая цивилизация, и который хранил в себе тайны, которые никто не мог разгадать.

Трава, серебристая полынь и ковыль, колыхалась под ветром, создавая иллюзию моря — бесконечного, безбрежного, которое уходило до самого горизонта и сливалось с небом. Это море было живым, дышащим, шепчущим. Каждая травинка, каждый стебель, каждый лист были частью этого шепота, и когда ветер пробежал по степи, он нес с собой истории, которые не были записаны ни в одной книге. Истории о битвах, о любви, о смерти, о возрождении. Истории, которые знала только степь и те, кто умел слушать.

Солнце, яростное и беспощадное, выжигало все, что не могло спрятаться в тени. Его лучи были острыми, как иглы, и они пронзали кожу, оставляя на ней следы, которые не заживали днями. Воздух звенел от криков птеродактилей, которые кружили высоко в небе, высматривая добычу, и от топота огромных стад цератопсов, которые двигались на юг, к сезонным пастбищам. Земля дрожала под их ногами, и этот дрожь, глубокая и ритмичная, была как пульс самой планеты, как ее дыхание, как ее голос.

Здесь, в степи, Кхат чувствовал себя чужим. Он вырос в лесу, где каждый шаг нужно было проверять, где опасность могла скрываться за каждым деревом. Здесь же опасность была видна за много миль, но это не делало ее менее страшной. Он видел, как вдали, на горизонте, поднимались столбы пыли, как стаи хищников кружили над добычей, как земля, сухая и потрескавшаяся, ждала дождя, который не приходил годами. Он чувствовал, что этот мир не прощает слабости, что только сильные и быстрые могут выжить здесь, и что он должен быть готов к тому, чтобы показать свою силу.

— Их называют «Ундэрн Чоно» — Дети Небесного Волка, — сказал Кхат, указывая на дымок далекого стойбища. Его голос был низким и напряженным, и в нем слышалась та же настороженность, которая была у него с детства. — Они не любят чужаков. Они верят, что чужаки приносят несчастье, что они отравляют землю и крадут души их предков. Твой план должен быть безупречным. Если мы ошибемся, они убьют нас. Не спросив, не выслушав, не дав шанса.

План Голда был безумен. Но в этом мире, где сила решала все, безумие иногда было единственным способом выжить. Он знал, что слова не имеют значения для Детей Ветра. Они верят только в дела, в поступки, в то, что можно увидеть и потрогать. И он знал, что единственный способ заставить их слушать — показать им, что он может быть полезен. Что он может дать им то, чего у них нет. Что он может сделать их сильнее.

Они намеренно спугнули стадо цератопсов. Три десятка огромных, рогатых ящеров, приведенных в ярость криками и запахом человека, рванули вперед, ломая кусты, поднимая тучи пыли. Они неслись прямо на стойбище, и Кхат, стоя на вершине холма, видел, как всадники на ящерах-велоцирапторах — низкорослых, но невероятно быстрых — вылетают навстречу стаду, пытаясь его отогнать. Воины Детей Ветра были искусны в своем деле. Они двигались как единое целое, их копыта сверкали на солнце, и через несколько минут стадо, обезумевшее от боли и страха, изменило направление и унеслось прочь.

Но Кхат и Голд уже были окружены. Всадники на велоцирапторах — ящерах, похожих на гигантских страусов, но с пастями, полными зубов, — сомкнули кольцо. Их лица, покрытые татуировками, были непроницаемы. Копья, направленные на чужаков, были остры, как иглы, и их наконечники, сделанные из обсидиана и кости, блестели на солнце, обещая смерть.

Кхат, вместо того чтобы драться, опустил оружие. Его руки, огромные и сильные, медленно разжались, и копьё упало на землю. Это был жест, который понимали все воины этого мира: я не хочу вражды. Я пришел с миром. Я пришел, чтобы говорить.

— Мы принесли весть о Тени, что движется с юга! — прокричал он на языке жестов и обрывков слов, которым учил его Схик. — Тень, которая пожирает степи! Тень, которая не знает пощады! Тень, которая придет за вами, если вы не будете готовы!

Воины переглянулись. Их предводитель, молодой мужчина с лицом, изрезанным шрамами от когтей ящера, что-то сказал на своем гортанном языке. Кхат не понял слов, но понял жест: следуйте за нами. Мы отведем вас к хану. Он будет решать вашу судьбу.

Хан Борху сидел на троне из спинных позвонков титанозавра. Это был старик, но старик, в котором чувствовалась сила. Его тело, покрытое шрамами и татуировками, было жилистым и крепким, его глаза, узкие и пронзительные, смотрели на чужаков с холодным любопытством хищника, который решает, стоит ли тратить силы на охоту. Его волосы, седые и длинные, были заплетены в косы, украшенные перьями и костями, и на его груди висел амулет — зуб огромного хищника, который, как говорили, он убил голыми руками.

Вокруг него, на шкурах и циновках, сидели старейшины племени. Их лица были покрыты татуировками, рассказывавшими истории побед и потерь. В углу шатра, окутанная дымом благовоний, сидела старуха с глазами цвета обсидиана — шаманка, чья сила, как говорили, могла остановить стадо мамонтов. Она смотрела на чужаков с тем же любопытством, что и хан, но в ее взгляде было что-то еще. Что-то, что Кхат не мог понять. Что-то, что было похоже на узнавание.

Кхат и Голд стояли перед ханом, и Кхат чувствовал, как его спина покрывается потом. Он сражался с ящерами-убийцами, выходил живым из схваток, где шансов не было. Но здесь, в этом шатре, среди этих людей, он чувствовал себя добычей. Он чувствовал, что его жизнь висит на волоске, что одно неверное слово, один неверный жест могут стать его смертным приговором.

— Тирага — муравейник, — презрительно сказал Борху, и его голос был подобен скрежету камней. — Они ползают по земле. Мы летим по ветру. Что нам до них? Что нам до их войн и их амбиций? Мы не боимся их. Мы не боимся никого.

— Они не ползают, — голос Голда прозвучал неожиданно твердо. Все вздрогнули, услышав чистую, древнюю речь, которую здесь, в степи, считали языком духов. Он шагнул вперед, и его худое, бледное лицо, освещенное огнем очага, казалось лицом призрака, лицом того, кто пришел из другого мира, чтобы предупредить их о грядущей беде.

— Они строят дороги. Каменные дороги для своих армий. Они вырубают леса для своих крепостей. Их голод — это голод огня, что пожирает степь, чтобы было видно дальше. Скоро они увидят вас. А когда они увидят, они придут. И тогда ваша скорость, ваша сила, ваше искусство — все это станет пылью под ногами их ящеров. Они не будут сражаться с вами честно. Они будут уничтожать вас, как уничтожают все, что стоит на их пути.

Он достал из рюкзака, сшитого из гидроизоляционной ткани его криокапсулы, планшет. Батарея была разряжена, но кремниевая пыль, оставшаяся на экране после тысячелетий, под лучами солнца, пробивающимися сквозь полог шатра, на мгновение оживила его. Экран вспыхнул. На нем появилась карта — спутниковая, трехмерная, с четко видимыми горами, реками, лесами. И с юга на степь напозла цифровая тень, помеченная меткой «Тирага». Эта тень была не просто угрозой — она была предсказанием, предзнаменованием, обещанием того, что грядет.

Шаманка ахнула и отпрянула. Ее глаза, мутные от старости, расширились, и в них зажглась искра древнего страха. Она видела это раньше. В своих видениях. В своих снах. Она знала, что эта тень придет, но она не знала, когда. И теперь она видела ее здесь, перед собой, и ее сердце, старое и уставшее, забилося быстрее.

— Он говорит с духами железа! — прошептала она, и ее голос дрожал. — Он — Вечный Скиталец из легенд! Тот, кто приходит, когда мир стоит на краю гибели! Тот, кто приносит знание и смерть одновременно!

— Я не дух, — устало сказал Голд, и в его голосе слышалась та же усталость, которая была у него с момента пробуждения. — Я человек из времени до Тихой Смерти. Я знаю, как думают строители Тираги. И я знаю, как бить их там, где они сильны.

Он перевел дух. Его плечо, все еще болевшее после раны, начинало ныть, но он не обращал на это внимания. Он знал, что должен убедить их. Что от этого зависит его жизнь и жизнь Кхата.

— Их сила — в больших ящерах, — сказал он, и его голос стал тверже. — Кархародонтозавры, тираннозавры, гигантозавры — они используют их как живые тараны. Ваша сила — в скорости. Я могу научить вас делать ловушки, которые собьют с ног даже кархародонтозавра. Показать, как ослепить их ящеров дымом, как направить их гнев против своих же хозяев. Я могу дать вам знание, которое сделает вас непобедимыми. Знание, которое спасет вашу степь.

— А что ты хочешь взамен, Призрак? — спросил Борху, и его голос был холодным, как сталь.

— Проводников до Гор Спящего Грома, — сказал Кхат, выступая вперед. Его голос, низкий и гулкий, разнесся по шатру, и все взгляды устремились на него. — И клятву, что когда я подниму свое копьё, чтобы вернуть сестру, за моей спиной будет ветер степи. Что вы пойдете с нами до конца. Что вы не бросите нас, когда мы будем нужны.

Тишина. Старейшины переглядывались. Хан Борху смотрел на чужаков, и его лицо было непроницаемо. Он видел ярость в глазах гиганта — ярость, которая могла сокрушить горы. И холодную уверенность в глазах призрака — уверенность человека, который знает то, чего не знают другие. Это была опасная игра. Но степь выживает лишь благодаря тому, что чувствует ветер перемен раньше других.

— Вы будете жить среди нас, — решил хан, и его голос был твердым, как камень. — Мы увидим ваши знания. Если они принесут нам победу на следующей охоте... тогда поговорим о ветре и копьях. Тогда мы решим, достойны ли вы нашего союза.

Кхат и Голд переглянулись. Они знали, что это только начало. Что они должны доказать свою ценность, чтобы получить то, что они ищут. Но они знали и другое: они сделали первый шаг. Первый шаг к тому, чтобы вернуть Фир. Первый шаг к тому, чтобы отомстить. Первый шаг к тому, чтобы изменить этот мир.

ГЛАВА 9: УЗЫ КРОВИ И СТАЛИ

Жизнь в степи изменила обоих. Она была суровой, беспощадной и прекрасной, как сама природа, и она требовала от них всего, что они могли дать. Она не прощала ошибок, не давала второго шанса, но она давала силу тем, кто был готов ее принять.

Кхат, с его силой и инстинктами, быстро стал грозой на охоте. Его тело, привыкшее к тяжелым нагрузкам и постоянной опасности, адаптировалось к новым условиям с той же легкостью, с какой он адаптировался к любому лесу или горе. Он обучал воинов рукопашному бою — не тому изящному искусству, которое практиковали в Тираге, где каждый удар был выверен и красив, а грубой, эффективной технике выживания, где каждый удар был направлен на то, чтобы убить или обездвижить противника. Он показывал им, как использовать вес и инерцию, как падать, чтобы не сломать кости, как читать следы на ветру, как чувствовать опасность до того, как она появится. Он учил их не просто сражаться, а выживать. Он учил их быть волками, а не овцами.

Его уважали. Не любили — чужаку редко дарят любовь, особенно в степи, где каждый чужак — потенциальный враг, — но уважали. А в степи уважение было важнее любви. Оно было основой всего, что они строили. Оно было их законом, их религией, их смыслом жизни. И Кхат, чувствуя это уважение, знал, что он на правильном пути. Что он становится частью этого мира, этого народа, этой суровой и прекрасной земли.

Голд же, хрупкий и чужой, заслужил уважение иначе. Он не был воином, не был охотником, не был тем, кто может сражаться с ящерами и побеждать. Но он был тем, кто знал. Он был тем, кто мог дать им то, чего у них не было. Он был тем, кто мог превратить их примитивные знания в оружие, которое могло сокрушить любого врага.

Он показал, как плести невероятно прочные тросы из кишок и жил ящеров — технология, которую он восстановил по обрывкам памяти о полимерных волокнах. Он научил их делать «гремящие камни» — примитивные гранаты из селитры и серы, которые он нашел в высохшем озере, где когда-то, тысячи лет назад, была вода и жизнь. Он лечил раны, используя антисептические методики, о которых степняки не имели понятия, и местные травы, чьи свойства он изучал с терпением ученого. Он показывал им, как использовать каждую часть убитого животного, как делать из костей инструменты, из шкур — одежду, из жил — веревки. Он учил их не просто выживать, а жить.

Но главное — он говорил с ними. О старом мире. О звездах, которые были далекими солнцами. О машинах, летавших между ними. О том, как люди, обладая всей этой силой, умудрились ее потерять. Он рассказывал им истории, которые они слушали с открытыми ртами, их глаза горели любопытством и страхом, и они смотрели на него, как на бога, который спустился с небес, чтобы научить их мудрости.

— Вы не потеряли, — однажды сказал Кхат, когда они сидели у костра после удачной охоты на стадо гадрозавров. Огонь, яркий и живой, отбрасывал красные отблески на их лица, и тени, пляшущие на стенах шатра, казались призраками прошлого. — Вы ее усыпили. А моя сестра... она ее будит. Она — ключ. Ключ к тому, что было. И к тому, что будет.

Они были одни. Костер догорал, и угли тлели, отбрасывая красные отблески на лица. Вдали были степные волки — не те, которых знал Голд, а огромные, размером с пони, существа, которые охотились стаями и не боялись ни людей, ни огня. Их вой был пронзительным и тоскливым, как плач по чему-то потерянному навсегда.

— Именно поэтому мы должны добраться до Архива раньше Гадра, — тихо ответил Голд, и его голос был спокоен, но в нем слышалась та же сталь, что и у Кхата. — «Пульсар» — это не оружие, Кхат. Это... регулятор. Стабилизатор планетарного энергополя. Если Гадр активирует его как оружие, он может вызвать новый Сдвиг. Или стереть с лица земли целые регионы. Фир

же, с ее чувствительностью... она может стать живым проводником для этой силы. Его самой совершенной пушкой. И тогда ничто не сможет его остановить.

Кхат молчал. В его голове, привыкшей к простым решениям — враг, удар, смерть, — эта новая, сложная логика не укладывалась. Он не понимал всех этих слов — «регулятор», «стабилизатор», «энергополе». Но он чувствовал правду в словах Голда. Чувствовал ее нутром, как чувствовал приближение бури, как чувствовал опасность, скрытую в темноте. Он знал, что этот человек говорит правду. И он знал, что должен доверять ему. Потому что другого выбора нет.

Тэмуджин и Бортэ, брат и сестра, которые стали их главными союзниками среди степняков, были непохожи друг на друга, как ночь и день. Они были двумя полюсами одного целого, такими же разными, как Кхат и Фир, и их связь, такая же сильная и неразрывная, была заметна каждому, кто смотрел на них.

Тэмуджин был стратегом. Он редко участвовал в схватках, предпочитая наблюдать с возвышенности, просчитывать движения противника на несколько шагов вперед. Его лицо, узкое и бледное для степняка, всегда было спокойным, но глаза постоянно двигались, фиксируя детали, которые другие упускали. Он был тем, кто видел не только настоящее, но и будущее, и его советы, всегда точные и своевременные, спасли не одну жизнь.

— Твоя сестра, — спросил он однажды Кхата, когда они сидели на вершине кургана и смотрели на заходящее солнце. Два светила опускались за горизонт, окрашивая небо в цвета старой бронзы и расплавленной меди, и ветер, теплый и сухой, играл с их волосами. — Она действительно видит то, что не видят другие?

— Да, — ответил Кхат, и его голос был твердым, как камень.

— И ты чувствуешь ее? Даже на расстоянии? — Тэмуджин повернулся к нему, и в его глазах, узких и проницательных, зажглось любопытство.

Кхат кивнул. Он чувствовал ее каждую минуту, каждую секунду, каждое мгновение своей жизни. Он чувствовал ее боль, ее страх, ее надежду. Он чувствовал, что она жива, что она борется, что она ждет его. И это чувство давало ему силу идти вперед, даже когда казалось, что все потеряно.

— У меня есть сестра, — сказал Тэмуджин, и его голос стал тише, как будто он говорил сам с собой. — Бортэ. Она не видит энергий, но она чувствует ветер. Когда она скачет, ветер говорит ей, где враг, где добыча, где опасность. Шаманы говорят, что это дар предков. Я думаю, это просто... связь. С чем-то большим, чем мы. С чем-то, что мы не можем понять, но что мы можем чувствовать.

— Ты веришь в это? — спросил Кхат, и в его голосе было искреннее любопытство.

— Я верю в то, что помогает выжить, — ответил Тэмуджин, и в его глазах зажглась та же искра, что и у Кхата. — Я верю в то, что дает силу. Я верю в то, что делает нас сильнее.

Бортэ была полной противоположностью брата. Она была вихрем — ударной силой, перед которой не мог устоять ни один враг. Ее лицо было покрыто шрамами, которые она носила с гордостью, а ее смех был таким громким, что пугал ящеров. Она была воином, охотником, той, кто не боялась никого и ничего. Она первой приняла Кхата как равного, вызвав его на поединок на третий день его пребывания в степи.

Они дрались на палках, и Бортэ дважды сбила его с ног, прежде чем он понял ее стиль — быстрый, непредсказуемый, основанный на использовании веса противника. Она двигалась как ветер, как тень, как призрак, и ее удары были быстрыми и точными, как укусы змеи. На третий раз он поймал ее за палку и, используя ее же инерцию, бросил на землю.

— Неплохо, — сказала она, вставая и отряхиваясь. Ее глаза смеялись, и в них не было злобы, только уважение. — Для лесного медведя. Я думала, ты будешь медленнее. Но ты учишься быстро. Это хорошо. Это значит, что ты выживешь.

— Неплохо, — ответил он, улыбнувшись впервые за много дней. — Для степной кошки. Ты тоже быстра. Но ты слишком полагаешься на скорость. Иногда сила важнее.

С тех пор они стали друзьями. Бортэ учила его степи, ее законам, ее тайнам. Она показывала ему, как читать следы на ветру, как находить воду в пустыне, как общаться с ящерами. А он учил ее силе, терпению, умению ждать. Вместе они были идеальным тандемом, таким же, как Кхат и Фир, и их дружба, рожденная в крови и борьбе, была крепче стали.

ГЛАВА 10: ИСПЫТАНИЕ В СТЕПИ

Испытание, о котором говорил хан Борху, пришло через месяц. Это был не просто вызов — это была проверка их силы, их мужества, их готовности стать частью этого мира. Это был экзамен, который мог стоить им жизни.

Разведчики донесли, что на северные пастбища, где паслись стада цератопсов, движется огромный карнотавр — ящер-убийца, которого степняки называли «Пожиратель Стад». Это был не просто хищник — это была легенда, воплощение ужаса, которое передавалось из поколения в поколение. Обычно такие хищники держались в горах, но этот, старый и, возможно, раненый, спустился в степь и уже уничтожил три стада, оставив после себя только кости и кровь. Его следы были огромными — каждый отпечаток лапы был размером с человеческое тело, и вокруг них валялись обломки костей, обглоданных до блеска. Земля была пропитана запахом гниения и смерти, и этот запах, густой и тошнотворный, висел в воздухе, как предзнаменование.

— Если мы не уьем его, — сказал Борху на совете старейшин, и его голос был тяжелым, как камень, — зима будет голодной. Наши дети будут плакать от голода, наши воины ослабеют, наши враги увидят нашу слабость. Но этот зверь не похож на тех, кого мы знаем. Он умен. Он ставит ловушки. Две охотничьи партии уже погибли. Он не просто убивает — он убивает ради удовольствия. Он наслаждается нашей болью.

— Мы сделаем это, — сказал Кхат, вставая. Его голос был твердым, как сталь, и в нем не было страха. Только решимость. — Мы уьем его. Мы принесем его голову к вашим ногам.

Старейшины переглянулись. Чужак вызывался на охоту, которая была опасна даже для лучших воинов. Это было или безумие, или мужество. Но они знали, что Кхат не был безумцем. Он был воином. И они верили ему.

— Ты пойдешь с нами, — добавил он, глядя на Голда. — Ты нужен нам. Ты знаешь, как победить. Ты будешь нашим глазом.

Голд побледнел, но кивнул. Он знал, что должен идти. Что его знания могут спасти их. Что он не может оставаться в стороне, когда другие рискуют жизнью.

Охота на карнотавра длилась три дня. Это были три дня, которые стали для них вечностью, три дня боли, страха и борьбы, три дня, которые изменили их навсегда.

Первый день они провели, выслеживая зверя. Они шли по его следам, которые вели через степь, через холмы, через высохшие русла рек. Следы были свежими, и Кхат чувствовал, что они приближаются. Он чувствовал запах зверя — тяжелый, мускусный, пропитанный кровью и смертью. Он чувствовал его ярость, его голод, его боль. И он знал, что этот зверь не просто хищник. Он был чем-то большим. Он был воплощением ужаса, который они должны были победить.

Вокруг следов валялись кости, обглоданные до блеска, и земля была пропитана запахом гниения. Это было не просто место убийства — это было место ритуала. Карнотавр убивал не для того, чтобы поесть. Он убивал для того, чтобы убивать. Для того, чтобы показать свою силу. Для того, чтобы вселить страх в сердца тех, кто осмелится встать на его пути.

— Он не просто убивает, — сказал Тэмуджин, осматривая место одной из боин. Его лицо было бледным, и в его глазах зажглась тревога. — Он убивает ради удовольствия. Посмотрите, здесь нет съеденных туш. Он убил всех и бросил. Это не естественно. Это... безумие.

— Это ненормально, — согласился Голд, и его голос был тихим, но в нем слышалась та же тревога. — Хищники не убивают больше, чем могут съесть. Что-то не так. Что-то с ним не так. Он болен. Или... изменен.

На второй день они нашли карнотавра. Он лежал в неглубокой ложбине, окруженный тушами цератопсов, и, казалось, спал. Его тело было огромным, покрытым шрамами и наро-

стами, которые пульсировали в такт его дыханию. Его кожа, серая и потрескавшаяся, была покрыта слоем грязи и запекшейся крови, и от него исходил тяжелый, гнилостный запах, который смешивался с запахом смерти.

Но когда охотники приблизились, он открыл глаза — и в них было нечто, что заставило даже Кхата замереть.

Глаза ящера были мутными, бельмастыми, но в них светилась не просто животная ярость. В них светилась ярость, которая была почти человеческой. Ярость того, кто страдал, кто был изранен, кто был изменен. Ярость того, кто не мог умереть, но кто не мог и жить.

— Он болен, — сказал Голд, всматриваясь. — Посмотрите на его шкуру. На ней наросты. Это не просто раны. Это... мутация. Что-то изменило его. Что-то сделало его таким. Что-то, что мы не можем понять.

Карнотавр поднялся. Он был меньше, чем кархародонтозавры Гадра, но быстрее. Его движения были резкими, неожиданными, и он не нападал сразу, а кружил вокруг охотников, как волк вокруг стада. Он ждал. Он искал слабого. Он искал того, кто ошибется.

— Он ждет, — прошептал Кхат, и его голос был тихим, как шепот ветра. — Он ищет слабого. Он знает, что мы сильны, но он знает, что мы устали. Он будет ждать, пока мы ошибемся.

Охотники выстроились в круг, спиной друг к другу. Их лица были напряжены, их руки сжимали оружие, и их сердца бились в унисон, как одно целое. Кхат с копьем, Бортэ с двумя клинками, Тэмуджин с луком, Голд — с «гремящим камнем» в руке. Они были готовы. Они были едины. Они были семьей.

Карнотавр бросился на Бортэ. Его скорость была невероятной — он двигался как молния, как удар, как сама смерть. Она увернулась, но когти ящера распорили ее плечо, и кровь брызнула на траву. Она вскрикнула, но не упала. Она выдержала. Она была воином.

Кхат ударил копьем, но зверь оказался быстрее, и древко переломилось, как сухая ветка. Он отскочил, чувствуя, как его руки немеют от удара, как его сердце бьется быстрее, как его разум, только что такой ясный, начинает мутиться от ярости и боли.

— Голд! — крикнул Кхат. — Сейчас!

Голд швырнул «гремящий камень» под ноги ящеру. Взрыв был несильным, но громким, и карнотавр, ослепленный и оглушенный, на мгновение замер. Этого мгновения хватило Кхату, чтобы подобрать обломок копья и вонзить его в шею зверя.

Ящер забился, его тело содрогнулось от боли, и из его пасти вырвался рев — не животный, а почти человеческий, полный боли и ярости. Кхат держал, вдавливая обломок глубже, чувствуя, как горячая, липкая кровь заливает его руки, как мышцы зверя напрягаются и слабеют, как его дыхание становится хриплым и прерывистым. Он держал, пока карнотавр не рухнул на землю, и его тело, такое огромное и могучее, замерло навсегда.

Охотники стояли вокруг туши, тяжело дыша. Их лица были покрыты потом и кровью, их руки дрожали, их сердца бились в унисон. Голд склонился над ящером, рассматривая наросты на его коже. Его пальцы, тонкие и бледные, касались шрамов, и в его глазах зажглась тревога.

— Это радиация, — сказал он, и его голос был мрачен. — Где-то здесь есть источник. И он не природный. Это не просто болезнь — это следствие. Следствие того, что кто-то играет с силами, которые не должен был трогать.

Он достал планшет, который теперь, после недель на солнце, накопил достаточно заряда, чтобы работать несколько часов. Экран показал скачок радиации к северо-востоку, в сторону Гор Спящего Грома. Там, в глубине гор, скрывалось то, что могло уничтожить их всех.

— «Пульсар», — прошептал Голд, и его голос был полон ужаса. — Он протекает. Если мы не остановим это, мутации будут только усиливаться. Сначала звери, потом люди. Мы должны добраться до него. Мы должны остановить это.

Вернувшись в стойбище, они принесли голову карнотавра. Она была огромной, покрытой шрамами и наростами, и ее глаза, мутные и бельмастые, все еще смотрели на мир с той

же яростью, которая была в них при жизни. Хан Борху долго смотрел на трофей, потом перевел взгляд на Кхата и Голда. В его глазах, узких и пронизательных, зажглось что-то новое. Уважение.

— Вы доказали свою силу, — сказал он, и его голос был твердым, как камень. — И вы доказали, что Тень, о которой вы говорили, реальна. Мы дадим вам проводников. Мы дадим вам клятву. Но помните: Дети Ветра не служат. Они идут вместе. Мы не будем вашими рабами, но мы будем вашими братьями.

— Мы не просим служения, — ответил Кхат, и его голос был таким же твердым. — Мы просим союза. Мы просим помощи. Мы просим того, что вы можете дать нам, и мы дадим вам то, что можем дать мы. Мы будем равными. Мы будем братьями.

Борху кивнул. Его лицо, только что такое суровое, смягчилось, и в его глазах зажглась искра. Искра надежды.

— Тогда готовьтесь, — сказал он. — Путь к Горам Спящего Грома долог. И опасен. Но, кажется, у вас есть причины идти туда, которые важнее страха. Мы пойдем с вами. Мы будем вашим ветром. Мы будем вашей силой. Мы будем вашей семьей.

Кхат и Голд переглянулись. Они знали, что это только начало. Что впереди их ждут новые испытания, новые битвы, новые потери. Но они знали и другое: они не одни. У них есть союзники. У них есть сила. У них есть надежда. И они пойдут до конца.

ГЛАВА 11: ПЛЕТЕНИЕ ПАУТИНЫ (ЛИНИЯ ФИР)

Прошли месяцы. Фир жила в золотой клетке, и с каждым днем ее цепи — невидимые, но прочные — становились все тяжелее. Они были сделаны не из металла, а из страха, из одиночества, из надежды, которая умирала каждый день, и каждое утро рождалась заново.

Гадр обращался с ней как с драгоценностью и оружием одновременно. Он водил ее в свою «лабораторию», заставлял «чувствовать» артефакты, описывать их энергию, говорить, что она видит. Он приносил ей древние машины, покрытые ржавчиной и временем, и просил ее прикоснуться к ним, почувствовать их пульс, их память. Он наблюдал за ней с холодным, голодным любопытством ученого, который изучает редкий экземпляр, и его глаза, всегда такие спокойные и надменные, загорались жадным блеском, когда она описывала то, что чувствовала.

Фир, скрывая растущую мощь, притворялась, что у нее получается плохо. Она научилась контролировать свой дар — не подавлять его, но дозировать, выдавая ровно столько, сколько нужно, чтобы Гадр не заподозрил ее в обмане. Она притворялась слабой, притворялась, что не понимает, что от нее хотят, притворялась, что ее дар — это проклятие, а не благословение. Она научилась играть роль пленницы, покорной и испуганной, и эта роль была ее единственным оружием.

Но тайне она училась. Каждый день, каждый час, каждое мгновение она изучала артефакты, которые Гадр приносил ей. Она чувствовала их структуру, их энергию, их историю. Она училась читать их как книги, как карты, как послания из прошлого. Она почувствовала, как слабый ток из ее рук мог заставить дрогнуть стрелку на каком-то приборе. Она начала понимать: ее дар был связан не с биологией, а с самим полем планеты, искаженным Катаклизмом. Она была не просто мутантом, не просто эволюционным скачком. Она была ответом природы на вызов, брошенный технологией. Она была мостом между мирами, и этот мост мог вести как в свет, так и во тьму.

Однажды, когда Гадр не было, она решилась на эксперимент. Она подошла к одному из мертвых дроидов — металлической фигуре, напоминающей человека, но с глазами-линзами, потухшими навсегда. Он стоял в углу лаборатории, покрытый пылью и временем, и его тело, когда-то блестящее и совершенное, теперь было серым и безжизненным. Она приложила ладони к его груди и закрыла глаза. Она чувствовала его — не как живое существо, а как спящее. Внутри него, глубоко в схемах, еще тлела искра. Очень слабая, почти угасшая, но она была.

Проснись, — мысленно сказала она.

Ничего не произошло. Она попробовала снова, направив в дроида больше энергии. На этот раз его глаза вспыхнули — на мгновение, тусклым красным светом. Дроид дернулся, издал шипящий звук, и снова замер. Но Фир улыбнулась. Она сделала это. Она разбудила то, что спало тысячелетия. И если она смогла разбудить мертвую машину, то, возможно, она сможет сделать и больше. Возможно, она сможет использовать этот дар, чтобы освободиться.

Элла, служанка, стала ее первым союзником. Она была из племени, которое Гадр уничтожил пять лет назад. Ее родителей убили, брата забрали в рабство, а ее саму отдали во дворец, чтобы она прислуживала знатым пленницам. Она научилась быть незаметной, говорить только тогда, когда к ней обращаются, и делать так, чтобы ее присутствие не раздражало хозяев. Она была тенью, которая жила среди стен, и ее глаза, когда-то полные жизни, теперь были пустыми, как у куклы.

Но с Фир все было иначе. Фир не была знатной. Фир была дикаркой, которую Гадр держал в золоте, но не сделал своей. Элла чувствовала в ней ту же тоску, ту же ярость, ту же надежду, которые сама давно похоронила. Она видела в ней отражение себя — той, кем она была когда-

то, до того, как мир рухнул. И она знала, что должна помочь ей. Что это ее единственный шанс на искупление.

— Он готовит поход, — прошептала Элла однажды ночью, когда Фир не спала, глядя на луну. Два спутника, большой и малый, висели на небе, и их свет, холодный и серебристый, проникал сквозь решетку окна, ложась на пол узором из теней. — На север. К Горам Спящего Грома. Он говорит, что там ждет его судьба. Что там он найдет то, что искал всю жизнь.

— Ты знаешь, что там? — спросила Фир, и ее голос был тихим, как шепот ветра.

— Мои предки говорили, что там, внутри горы, спит дух, который может исцелить или уничтожить мир, — ответила Элла, и ее голос дрожал. — Они говорили, что это место священное, что туда не должны ступать ноги смертных. Гадр хочет разбудить его. Он хочет использовать его как оружие. Он хочет стать богом.

— Он хочет использовать меня как ключ, — сказала Фир, и в ее голосе не было страха. Только холодная, стальная решимость. — Он думает, что я открою ему дверь. Он не знает, что я могу закрыть ее. Навсегда.

Элла посмотрела на нее, и в ее глазах, только что таких пустых, зажглась искра. Искра надежды, которая была такой слабой и хрупкой, но которая все еще горела.

— Ты можешь остановить его? — спросила она, и ее голос дрожал.

— Я могу попытаться, — ответила Фир, и в ее голосе была та же сталь, что и у ее брата. — Но мне нужна помощь. Мне нужны люди, которые верят в меня. Люди, которые готовы рискнуть.

— Я помогу тебе, — сказала Элла, и ее голос стал тверже. — Я знаю других. Тех, кто ненавидит Гадра так же, как мы. Тех, кто ждет своего часа. Я соберу их. Я скажу им, что пришло время.

Фир закрыла глаза. В ее сознании, как искры, вспыхнули образы: Кхат, идущий по степи, Голд, склонившийся над планшетом, горы, в недрах которых пульсировало сердце древнего корабля. Она чувствовала их. Чувствовала его. Чувствовала «нить жизни», которая связывала их, и которая становилась все сильнее с каждым днем.

— Скажи им, — сказала она, открывая глаза, — что когда придет время, я открою двери. Я открою их для всех, кто готов идти за мной. Я открою их для свободы.

ГЛАВА 12: ДОРОГА К ГОРАМ СПЯЩЕГО ГРОМА

Отряд двинулся на север через месяц после охоты на карнотавра. Это был не просто переход — это было путешествие в самое сердце неизведанного, в мир, который никто из них не знал, но который обещал ответы на все их вопросы.

В его состав входили Кхат, Голд, Тэмуджин, Бортэ и три десятка лучших всадников. Они ехали на низкорослых, выносливых велоцирапторах, которые могли преодолевать огромные расстояния, не зная усталости. Эти ящеры были быстрыми и умными, их тела были покрыты перьями, которые переливались на солнце, как металл, и их глаза, желтые и холодные, смотрели на мир с той же настороженностью, что и их хозяева. Они были частью степи, ее душой, ее дыханием, и они несли своих всадников через бескрайние просторы, которые простирались до самого горизонта.

Степь вокруг менялась. Травы становились ниже, реже, воздух — суше, холоднее. Ветер, теплый и ласковый в степи, здесь был острым и колючим, он пронизывал одежду и кожу, заставляя их кутаться в меха и шкуры. По ночам небо озарялось сполохами северного сияния, которое Голд называл «остаточным излучением», а степняки — «дыханием мертвых богов». Эти сполохи были прекрасными и пугающими, они переливались всеми цветами радуги, от зеленого до фиолетового, и их свет, холодный и мертвенный, ложился на землю, создавая причудливые узоры из теней.

На седьмой день они достигли предгорий. Здесь, среди скал и ущелий, начались странности. Вода в ручьях была горькой — Голд, проверив ее анализатором, обнаружил высокий уровень радиоактивных изотопов. Воздух, чистый на вид, иногда начинал светиться по ночам — слабым, голубоватым светом, который заставлял всадников креститься и шептать молитвы. Земля под ногами была твердой и холодной, и в ней, глубоко внизу, чувствовалась вибрация — слабая, почти незаметная, но постоянная, как пульс умирающего сердца.

— Мы близко, — сказал Голд, глядя на показания планшета. Его лицо было бледным, и в его глазах зажглась тревога. — Очень близко. Сигнал становится сильнее. Мы на правильном пути.

В предгорьях к ним присоединились проводники — группа горцев из народа Инков. Их вел старик по имени Инти, который, увидев Голда, долго смотрел на него, а потом опустился на колени. Его лицо, изрезанное морщинами, как карта давно исчезнувшей страны, было спокойным, но в его глазах, мутных от старости, зажглась искра узнавания.

— Ты — тот, кого мы ждали, — сказал он, и его голос был тихим, как шелест листвы. — Тот, кто придет из горы, чтобы открыть ее. Тот, кто принесет свет во тьму. Тот, кто спасет нас.

— Я не... — начал Голд, но Инти перебил его.

— Мои деды рассказывали: придет человек из времени до Тихой Смерти, — сказал он, и его голос стал тверже. — Он будет нести свет в руке (он указал на планшет) и говорить с духами железа. Он откроет Сердце Горы, и тогда мир либо погибнет, либо родится заново. Ты — этот человек. Я чувствую это. Мои предки чувствуют это. Ты не можешь отрицать свою судьбу.

— Мы надеемся на второе, — сказал Кхат, и его голос был твердым, как камень. — Мы не хотим гибели. Мы хотим жизни. Мы хотим спасти то, что еще можно спасти.

Инти посмотрел на него, и его глаза, старые, но острые, сузились. Он видел в этом человеке ту же силу, что и в призраке, но другую — силу земли, силу крови, силу тех, кто не сдается.

— Ты — камень, — сказал он, и его голос был полон уважения. — Тот, кто держит. Без тебя даже самый светлый ключ не откроет дверь. Вы нужны друг другу. Помните это. Вы — две половины одного целого. Без одного другой не сможет выжить.

Они двинулись дальше, в горы, где воздух становился все более разреженным, а тени — все более длинными и холодными. Они шли по узким тропам, которые вились над пропастями,

и ветер, пронзительный и ледяной, выл в ущельях, как голодный зверь. Они шли мимо ледников, которые сползали с вершин, создавая гроты и пещеры, в которых мерцал голубой свет. Они шли через долины, где земля была покрыта слоем вулканического пепла, и воздух был наполнен запахом серы и озона.

И на десятый день, когда солнце, два его лика, закатывалось за горизонт, окрашивая небо в цвета старой крови, они увидели ее. Долину, скрытую от глаз тысячелетиями. Место, которое никто из них не мог описать словами, потому что слова были слишком слабы для того, что они видели.

Она была огромной, окруженной скалами, которые поднимались к небу, как пальцы гиганта. В центре долины, на возвышении, стояла пирамида. Она была не из камня, не из металла, а из чего-то третьего, чего-то, что не поддавалось определению. Ее стены были гладкими и черными, они поглощали свет, и казалось, что она не стоит на земле, а парит над ней. На ее вершине, подобно глазу, горел синий огонь, пульсирующий в такт с сердцем планеты.

— Сердце Горы, — прошептал Инти, и его голос дрожал. — Мы нашли его. Мы пришли.

Кхат и Голд переглянулись. Они знали, что это только начало. Что впереди их ждут новые испытания, новые битвы, новые потери. Но они знали и другое: они не одни. У них есть проводники. У них есть сила. У них есть надежда. И они пойдут до конца. До самого сердца. До самой истины. До того, что ждало их там, в глубине, в темноте, в тишине, которая была громче любого крика.

ГЛАВА 13: У ПОДНОЖИЯ ПИРАМИДЫ

Отряд первым достиг скрытой долины. Это произошло на рассвете, когда туман, окутывавший горы, рассеялся, и перед ними открылось то, что невозможно было описать словами. Это был момент, который запечатлелся в их памяти навсегда, как шрам на коже, как клеймо, как напоминание о том, что мир больше и древнее, чем они могли себе представить.

Перед ними высилась не гора, а колоссальная, покрытая растительностью пирамида из полированного черного камня. Она была так велика, что ее вершина терялась в облаках, и казалось, что она упирается в само небо. Стены, когда-то гладкие и блестящие, сейчас были покрыты слоем мха, лишайников и корней, которые сплетались в причудливые узоры, скрывая ее истинную природу. Мох был густым и зеленым, он переливался на свету, как бархат, и от него исходил слабый, едва уловимый запах влажной земли и гниения. Лишайники, серые и потрескавшиеся, покрывали стены, как кожа древнего зверя, а корни деревьев, огромные и узловатые, впивались в камни, разрывая их, но не разрушая полностью.

Но в тех местах, где растительность обнажила камень, он сверкал на солнце, как зеркало. Этот камень был черным, как ночь, и в его глубине, на самой поверхности, мерцали тонкие, едва заметные линии — не трещины, а что-то иное, что-то, что было похоже на карту, на схему, на послание из прошлого. Они пульсировали слабым, голубым светом, и этот свет, холодный и живой, проникал в самое сердце, заставляя их чувствовать себя маленькими и ничтожными перед величием того, что они видели.

— Сердце Горы... — прошептала Бортэ, и ее голос, обычно громкий и уверенный, дрожал. Она смотрела на пирамиду с тем же благоговением, с каким смотрела на священные тотемы своего племени, и в ее глазах, всегда таких смелых и дерзких, зажглась искра страха. — Это не просто гора. Это... это что-то другое. Это живое.

Голд сканировал сооружение своим планшетом. Показатели зашкаливали. Энергетический фон, уровень радиации, температурные аномалии — все было за пределами нормы. Но в этом хаосе он чувствовал структуру. Систему. Пульс, который бился в такт с чем-то, что было глубже, чем просто машина. Он чувствовал его, как чувствуют пульс в своей собственной крови, и этот пульс был древним, мощным, почти божественным.

— Это не просто бункер, — сказал он, поднимая глаза от планшета. Его лицо было бледным, и в его глазах зажглась та же искра, что и у Бортэ. — Это... целый город. И он жив. Системы активны. Но есть повреждения. Массивные. Что-то пошло не так. Что-то сломалось внутри. И это что-то ждет нас.

Внезапно из скрытого портала у основания пирамиды с шипящим звуком вырвалась струя пара. Дверь, незаметная секунду назад, открылась, приглашая внутрь. Это сработал маяк-идентификатор Голда. Корабль распознал «чистую» ДНК, ту самую, которую его создатели вписали в его код, и открыл проход. Пар был горячим и влажным, он пах озоном и металлом, и этот запах, такой знакомый и такой чужой, наполнил легкие Голда, пробуждая воспоминания, которые он считал похороненными навсегда.

— Он зовет меня, — сказал Голд, бледнея. Его голос дрожал, и в нем слышалась та же смесь страха и надежды, которая была у него с момента пробуждения. — Но... протоколы безопасности. Если вы войдете со мной... системы могут воспринять вас как угрозу. Как заразу. Как врага.

— Мы идем, — глухо сказал Кхат, сжимая копьё. Его голос был твердым, как камень, и в нем не было сомнения. Он посмотрел на Голда, и в его глазах, темных и глубоких, было нечто, чего Голд не видел прежде: не просто решимость, а готовность идти до конца, несмотря ни на что. Готовность умереть, если понадобится. Готовность пожертвовать всем, чтобы вернуть сестру.

— Я не оставляю тебя, Призрак, — сказал он, и его голос стал тише, но не слабее. — Мы вместе начинали этот путь. Вместе и закончим. Мы — семья. И семья не бросает своих.

Они вошли внутрь. Сначала их окружила темнота, густая и плотная, как вода, и они чувствовали ее кожей, как прикосновение бархата. Затем, когда их глаза привыкли, они увидели слабое, голубое свечение, которое исходило от стен. Оно было холодным и живым, и оно пульсировало в такт с их сердцами, как будто сама пирамида дышала вместе с ними.

Коридоры были широкими и высокими, их стены были покрыты панелями из того же черного камня, что и снаружи, но здесь, внутри, они были гладкими и блестящими, как зеркала. На них, как письма, были выгравированы символы, которые никто из них не мог прочесть, но которые Голд узнавал. Это был язык Старого Мира, язык, который он изучал в университете, язык, который считался мертвым тысячи лет. И он читал его, как читают свою собственную историю, как читают письма от тех, кого уже нет в живых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.